

Вера Чиркова

Портрет прекрасной принцессы

Ох и зря король надеялся, будто ему
удастся сбежать от королевского ока!

Вера Андреевна Чиркова
Портрет прекрасной принцессы
Серия «Королевское око», книга 2

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6713779

Портрет прекрасной принцессы: Фантастический роман: Альфа-книга;

Москва; 2014

ISBN 978-5-9922-1731-5

Аннотация

Можно ли обмануть упрямого дознавателя и судью Грега Диррейта, имеющего почетный статус королевского ока? Разумеется. Абсолютно так же, как и любого человека, обделенного магическими способностями. Но вот ускользнуть от ответа за этот обман не удастся никому: ни магам, ни сыскарям, ни самому королю.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	28
Глава 3	41
Глава 4	62
Глава 5	82
Глава 6	99
Глава 7	112
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Вера Чиркова

Портрет прекрасной принцессы

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Если бы мне было суждено вернуться под просторное голубое небо того восхитительно теплого, пронизанного добрыми солнечными лучами весеннего дня, возможно, я повел бы себя совершенно по-иному. Разумеется, если бы знал или хотя бы догадывался в тот момент, какие события заставили не один десяток очень серьезных людей изменить своим привычкам и забросить важные дела, а вскоре накроют с головой и меня.

Наверное, постарался бы привести в порядок бумаги и написать наставления слугам на все случаи жизни или засел за тщательное изучение карт и документов. Проверил и рассортировал бы оружие и приготовил несколько дротиков с особыми сюрпризами. Вполне вероятно, отправил бы письма самым надежным друзьям.

А может быть, усадил жену в коляску и отправился вместе с нею на прогулку или просто повел любимую в сад, где на кустах и деревьях уже проклюнулись почки и весело зазеленела блестящая от юности травка.

Потому что теперь точно знаю: никакие приготовления ничего в моем будущем изменить уже не могли.

Все, что могло случиться, к тому моменту уже случилось, а все, кто должен был предпринять необходимые меры, уже начали действовать по тщательно прописанным инструкци-

ям.

Но очевидно одно, как бы я ни провел тот день, остаться в стороне от происходящего не смог бы никогда. Уж так я устроен, бросаю все свои дела и заботы и лезу с головой в чужие проблемы, если узнаю, что моим друзьям или просто хорошим людям грозит опасность. Впрочем, именно так устроены все, кто удостоился звания королевского ока и потому имеет право проводить дознание и выносить приговор по любому заинтересовавшему его делу.

Однако, пожалуй, даже хорошо, что я не задумывался ни о чем подобном в тот момент, когда меня карой судьбы настиг голос Хенрика, любимого брата моей жены, неожиданно-негаданно появившегося в Монтаеззи. Несомненно, из портала. Иным образом маги ковена в наш замок просто не попадали.

Глава 1

– Грег!

«Вот невезение! Ну откуда он взялся на мою голову?» – огорченно выдохнул я, даже не подумав остановиться. Наоборот, почти влип в стену и, пригнувшись как можно ниже, продолжил движение. До угла, где можно будет расправить плечи и идти свободно, оставалось всего ничего, каких-то двадцать локтей.

– Грег! – с легкой досадой повторил так хорошо знакомый голос шурина откуда-то со второго этажа.

Именно там по периметру замка тянется сплошной балкон, по которому можно попасть в любую из комнат. Точно так же, как и из любой комнаты можно выйти на балкон и рассмотреть все, что творится внизу. Не видно оттуда лишь узкой полоски пространства возле самой стены, и вот по этой-то недоступной взгляду зоне я и пытался удрать в настоящий момент как можно дальше от того бедлама, что творился в замке. Не насовсем, разумеется, всего-то на часок-другой.

– Грег, ты забыл, что я тебя ощущаю? – Голос Хенрика неумолимо, как глас возмездия, раздался прямо над моей головой.

«А вот это, между прочим, нечестно!» – оскорбленно фыркнул я. И вообще, кодексом ковена категорически за-

прещается магам использовать свои особые способности в отношении жителей королевства. А также его гостей, исключая лиц, заподозренных в совершении противоправных действий.

И поскольку я никаких таких действий не совершил и даже еще не задумывал, то, естественно, подпадал под защиту этого самого правила.

Вот только Хенрику об этом говорить вовсе не собирался, предпочитая и дальше делать вид, что не слышу его возмущенных окриков.

Не останавливаясь ни на миг, я продолжил неуклонно продвигаться к оставшейся от разобранный стены гряде камней, за которой меня ждала свобода. Ну относительная, разумеется. Абсолютно свободен может быть только полный идиот, а я себя таковым пока не считал.

Вожделенная горка обломков, за которыми открывался проход в сторону бывших хозяйственных построек, где я отыскал несколько укромных местечек, уже выросла передо мной, когда темная тень накрыла пробившуюся между камней и мусора молодую травку.

«Эх, хорошо быть магом!» – разочарованно вздохнул я, выпрямляясь во весь рост.

Сначала можно отследить несчастного, замученного домашними заботами родича с помощью способностей эмпата, а потом настигнуть его, используя заклинание левитации. Точно зная, что мне нечего ему противопоставить. Ну нет у

меня и никогда не было и грана магических способностей! Ведь не сбивать же родственника дротиком на лету, как нахальную ворону?!

– Грег, – глядя на мое расстроенное лицо, с мягкой укоризной позвал Хенрик в очередной раз, – вот не мог бы ты, прежде чем удирать, поинтересоваться, зачем я тебя ищу?

– Ну и зачем? – с напускным безразличием буркнул я, втайне начиная подозревать, что он вполне может быть прав.

Но это вовсе не значило, что я готов сдаться так просто. И чтобы Хенрик не смог раскусить моих намерений, незаметно повернул камень в надетом на палец фамильном кольце. Теперь расшифровать мои эмоции будет не так-то просто.

– Тебе пришло послание от Клариссы. Хан Остана подписал указ, – веско объявил Хен. – Ты можешь посещать ханство в любое время, как почетный гость.

Надо же, не прошло и полгода, едко хмыкнул я про себя, продолжая молчать. Не может же быть, чтобы Хен гонялся за мной только затем, чтоб сообщить эту новость?! Ни за что не поверю! Тем более что разрешение гулять по Остану мне сейчас абсолютно без надобности. Нет у меня ни желания, ни возможности куда-то уезжать или уходить. Зие через два месяца рожать, и хотя жена чувствует себя отлично, ее капризы могут свести с ума даже самую вышколенную прислугу. И потому без меня тут никак не обойтись. Лишь мне удастся уговорить ее откусить кусочек маринованного масленка вместо маринованного боровичка, которого не нашлось ни

в одном из погребов окрестных деревень. И только я могу после этого спокойно выслушать признание миледи, что вообще-то ей хотелось пирожков с луком.

Кроме того, в замке полным ходом идет капитальный ремонт, на который я легкомысленно согласился в тот злополучный день, когда еще и близко не догадывался, как быстротечны и изменчивы желания беременных женщин.

– Знаешь, – сказала она тогда, опираясь на мою руку и разглядывая с высоты третьего этажа свои владения, – мне давно не нравится, как распланирован наш двор.

В ответ я только пожал плечами. Распланирован почти так же, как десятки подобных дворов в замках, которые я когда-либо посещал. То есть посреди стоит сам замок, а вокруг, между ним и мощными стенами расположены все причитающиеся замку атрибуты. Конюшни, сенники, казарма для охраны и десятков разных кладовок и каморок совершенно непонятного предназначения. И лишь с восточной стороны дома разбиты сад и цветники.

А все кладовки и конюшни пустуют, так как никакие воины нам не требуются. Я и сам мог бы издали перебить пару десятков бандитов, но добраться сюда они просто не имеют возможности. Магистры из ковена, друзья моей наставницы Клариссы, опутали замок такой сложной системой защит и проверок, что даже я сам, возвращаясь домой в чужой личине, иногда всерьез опасаясь за собственную безопасность. Вот потому-то никто и не громыхает по утрам под окнами

оружием, не ругается пьяными голосами, получив жалование и это отпраздновав, и не пытается по ночам пробраться в спальни к горничным.

Ну а если Ортензия желает прокатиться по окрестным полям, то в расположенную под стенами замка деревню отправляется лакей и через пятнадцать минут возвращается, сидя на козлах. Зимой это сани, осенью карета, весной и летом открытая коляска. А тащат или катят очередное транспортное средство послушные и холеные лошадки старосты.

Именно поэтому я и согласился так легко на перестройку, даже приблизительно не подозревая в тот момент, во что вляпался.

– Это еще не все, – так и не дождавшись моего вопроса, огорченно вздохнул Хенрик. – Вместе с разрешением она прислала письмо от князя Теокадина Шуари.

А вот с этого ему нужно было начинать. Хотя... я и так уже успел сложить два и два. Данное мною Кадину пять месяцев назад обещание помочь восстановить справедливость так пока и осталось невыполненным. Слишком много нужно было сделать хану Остана и его верным советникам, чтобы навести в стране порядок, потому и до дела Кадина не сразу дошла очередь.

Да и как она могла дойти, если после проведенной менталами проверки на свободе осталось всего двадцать судебных чиновников из каждой сотни?! И лишь треть из них сохранила свой прежний статус.

Вот потому и сидят в Дильшаре безвылазно Кларисса с одним из лучших менталов ковена Леоном Шофолдом, ее бывшим учителем и нынешним мужем. Им достался тот дом, который снимал я, когда изображал торговца редкими животными. Прежний хозяин оказался не только замешан в темных делишках, но и очень проворен, сумев удрать прямо из-под носа ханских нукеров.

– Почему ты молчишь? – начал нервничать маг.

Я только пожал плечами и, больше не скрываясь, отправился дальше. Ни на секунду не сомневаясь, что он пойдет следом. Ну а в самом-то деле, куда ему еще деваться? Если это именно ему от меня что-то нужно?! И чтобы высказать свою просьбу или предложение, он просто обязан будет последовать за мной.

Хенрик действительно потопал следом, выражая свое неодобрение возмущенным пыхтением, но я героически старался не обращать на него внимания, неуклонно приближаясь к конечной цели моего маленького путешествия.

После того как нанятые в окрестных деревнях крепкие парни начали разбирать многочисленные постройки хозяйственного двора, я обнаружил там массу интересного. Но самым замечательным оказалась заваленная мусором голубятня. Когда-то здесь курлыкало не менее трех десятков почтовых голубей, и каждый, кто желал иногда получить из Монтаеззи весточку, привозил с собой пару клеток, накрытых темным полотном. Ведь голуби возвращаются только в род-

ное гнездо.

Едва обнаружив любовно сплетенные из прутьев гнезда и кучу ажурных клеток, я запретил селянам даже близко подходить к этому строению и теперь вечерами яростно спорил с выписанным из Торсанны архитектором. Невысокий худенький старичок сверкал на меня из-под косматых бровей неожиданно голубенькими глазками и сыпал архитектурными терминами и названиями собственных научных трудов. Отстаивая в непримиримой борьбе пару сотен квадратных локтей, занятых взятой мной под опеку голубятней. Замыслив именно в том месте соорудить чайную беседку. Но и я отступал лишь после того, как замечал, что слушающая наши споры Зия начинает по-детски тереть слипающиеся глаза.

– Ты не хочешь помочь Кадину? – карабкаясь вслед за мной по лесенке, почти жалобно осведомился Хенрик.

Я только довольно ухмыльнулся в ответ, в который раз порадовавшись собственной сообразительности. Ведь если бы мне не удалось скрыть свою заинтересованность, выдвигать условия мог бы он. А теперь их буду диктовать я и постараюсь не забыть ни одной мелочи.

– Хенрик, – усевшись на обнаруженную мною и отмытую служанками скамейку, ответил я, проникновенно глядя в такие знакомые серые глаза, – зачем ты меня мучаешь?! Ты же знаешь, что, при всей моей симпатии к Кадину, покинуть сейчас замок я не могу. Даже на день.

– Да почему это не можешь, – неправдоподобно возмутился он, – Зия чувствует себя отлично, а если ты не доверяешь привезенным повитухам, то мы с Мари можем тут пожить несколько дней. Кстати, и Карику полезно будет подышать деревенским воздухом. В смысле чистым, почти деревенским.

Ой-ей! Похоже, действительно очень плохи дела у Кадина, раз меня так уговаривают. И я, разумеется, соглашусь, тем более мне даже не нужно для этого спрашивать разрешения у короля или ковена магов. Полтора месяца назад его величество Торрель Этавирский лично отправил меня в отпуск на полгода, и сейчас я имею полное право ходить куда и к кому хочу. И к тому же имею горячее желание, чтоб справедливость восторжествовала. Но это вовсе не значит, что так легко откажусь от намерения немного поморочить голову родичу за его интриганские замашки.

– Хенрик, – встав со скамьи, подошел я к небольшому оконцу и распахнул створки, – посмотри.

– Куда? – высунув голову и обведя взглядом кучи камней, балок и мусора, оставшихся от разбора сенников, поинтересовался он.

– Вдаль. Видишь, какая панорама? Вот если сделать тут выход на балкончик, а с него лесенку на крышу, то можно будет пускать голубей прямо с крыши.

– Каких еще голубей? – так ошарашенно вытаращился шурин, что отказаться от продолжения шутки стало просто

невозможно.

– Хенрик, – вздохнул я загадочно, – дай слово мага, что никому не расскажешь.

– Даю, – немедля купился он, все маги жутко любопытны.

– Вот представь, лет через пять... или, может, даже раньше... весна, эта голубятня, вокруг кусты сирени, а выше – только синее небо. А на крыше, огороженной перилами, разумеется, стоим мы втроем, я, Зия и наш сынишка. В небе белой стайкой летят голуби... и если не смотреть вниз, то можно представить, что мы на мостике небольшого судна, вокруг море, а над нами вьются чайки.

– Как только Зия родит, вы можете отправиться в твой домик на побережье, – как-то неправильно понял он мое объяснение, – ты переутомился.

Придется исправлять положение, понял я и тяжело вздохнул.

– Вот и ты меня не понимаешь, совсем как тот упрямый старикашка. Он вознамерился разобрать этот сарайчик и поставить чайную беседку. Ну, скажи мне, какой тут чай? Это же западная сторона! Утром тут тень и роса, а вечером все прогревается, как на сковороде. Да у нас в доме столько балконов и террас, что никакая беседка вообще не нужна. Лучше бы какой-нибудь прудик придумал, с рыбками и кувшинками. Дети любят рыбок и птичек, я по себе помню.

– Грег, – тихо и сочувственно промямлил шурин, – а причем все это?

– При том, – вздохнул я еще тяжелее, – что в Дильшар я пойду, ты прав, Кадину нужно помочь. Но голубей у моих детей уже не будет. Ладно. Забудь. Идем в дом, нужно поговорить с Зией.

Пока мы спускались с голубятни и шли через двор, Хенрик размышлял о чем-то так сосредоточенно, что я искренне радовался недоступности своих эмоций.

Зная точно, он разобиделся бы всерьез, услышав едва сдерживаемый мысленный хохот.

Телепорт выбросил меня не в Дильшар, как я втайне надеялся, а в Декту, в порталый чуланчик святого Ештанчи. Вздохнув с легкой досадой, уж очень хотелось повидать Клариссу с Леоном, я распахнул дверцу крошечного помещения, украшенного для отвода глаз связками прошлогодней травы и какими-то метлами.

И попал прямо в объятия Кадина. А еще через секунду на нас как обвал обрушилось мощное тело его верного охранника.

– Дирам, шайтан, задавил совсем! Ну тебя тут и откормили, ни одна лошадь не увезет! – притворно ворчал я, с удовольствием всматриваясь в лица друзей.

Они и в самом деле окрепли и теперь даже близко не напоминали тех худых и потрепанных наемников, которых я встретил в чайхане полгода назад. И дело даже не в налившихся силой мышцах и округлившихся щеках. Из глаз пар-

ней исчезла тоска и безнадежность, а Кадин больше не хватался каждую минуту за больной бок.

– Меня вы, наверное, не помните? – Похожий на Кадина мужчина с аккуратной бородкой, мягко улыбаясь, наблюдал, как меня добросовестно мнут его родственники.

– Князь Иштадин Шуари, – дружелюбно улыбнулся я в ответ, разве его можно забыть?!

Но вот узнать – с трудом. Он изменился намного сильнее младшего брата и теперь совершенно непохож на изможденного старика, которого мы осенью принесли в Дильшар с Жемчужных островов.

– Для вас просто Тадин, – твердо объявил князь, прижав руку к сердцу, – я вам жизнью своей и Кадина обязан.

– Тогда я – просто Джиль, – так же учтиво поклонился я в ответ.

Несмотря на разрешение хана, я решил не мелькать в Остане собственным лицом и накинул одну из заранее заготовленных Клариссой личин. Очень ненавязчиво смазывающую запоминающиеся черты лица и делающую меня совершенно непримечательным северянином. Потому и назвался не собственным именем. Тем более Кадин с Диравом все равно по привычке звали меня именно Джиль.

– Идите в дом, обед на столе, – пригласила радушная жрица, и я, не споря, отправился вместе со всеми.

Незачем говорить им, что только пятнадцать минут назад я встал из-за стола в собственном замке. Где меня пытались

накормить так, словно отправляли в Гиссарскую пустыню в одиночку и без походной сумки. Тем более за столом вполне мог присутствовать Ештанчи, а у него могли быть ко мне поручения. Да и с сопровождающим магом я должен познакомиться именно здесь. Его мне в помощь по просьбе Клариссы перебросили из Торсанны ее друзья по ковену, отправив напрямик в Декту ради экономии портала в Монтаеззи.

– От Рудо есть известия? – Мы с Кадином задали друг другу вопрос почти одновременно и очень насмешили этим Дирана.

– Последний раз получил вестника с полмесяца назад, – первым сориентировался я. – Они уже налаживают торговлю и начинают строить собственные баркасы.

Рудо женился на Лайли в то же утро, как встал с постели, и в этот же день, специально дождавшись выздоровления друга, Кадин дал клятвы Заре. И теперь наш неугомонный язва живет на побережье во дворце Тахара. Каждые полмесяца шлет нам вестников, отчитываясь о делах, и неизменно зовет в гости.

– Да, мне он про это тоже написал, – улыбнулся Кадин, – и намекнул, что скоро будет отцом.

– Ну меня ему не перегнать, – гордо фыркнул я, приятно хоть в чем-нибудь быть первым.

– Нас тоже. – На ступеньке стояла располневшая Зара и стеснительно улыбалась незнакомому мужчине. Хотя и точно знала, что это я, она каждый раз с трудом привыкала к

новой личине.

– Поздравляю, – искренне радуясь за молодую семью, поцеловал я руку бывшей подопечной, – но как же мы тебя повезем?

– Она пока останется, Ештанчи разрешил Заре пожить здесь. А когда можно будет, я приеду за ней с повозкой.

И это правильно, кивнул я в ответ на его слова, стараясь не замечать погрузневших глаз художницы. Нечего женщинам в таком положении мотаться по степи на лошадях. Тем более что негодяй, обманом завладевший не только огромным состоянием князя, но и его именем, вовсе не собирается отдавать захваченное без боя. А от Дильшара до имений Шуари слишком далеко, и ханские указы там почти не имеют силы. Потому и пришлось Иштадину собирать деньги и нанимать отряд, который ждет его в небольшом городке Кыра-Бутар в полудне пути от Декты.

– Прошу к столу! – В проеме двери, противоположной входу, появился Ештанчи в простой белой полотняной рубахе ниже колен и выглядывающих из-под нее штанах из той же ткани.

Вот он совершенно не изменился, оставшись тем же, что был полгода назад. И в трапезной комнате все точно так же, словно мы вернулись в ту же минуту, из которой вышли. Вот только вместо букетика желтых степных тюльпанов на столе в тот раз стояли багровые бессмертники, да не было незнакомого мага, изучающе разглядывающего нашу компанию. В

ответ я тоже в открытую изучил серьезное лицо и начал понимать, что в этот раз друзья Клары из ковена раздобрились. Прислали мне в помощь по меньшей мере мастера второго круга.

– Я – Юрас, – представился маг и, пользуясь приглашением, первым сел к столу.

За обедом мы говорили мало: казалось присутствие постороннего человека. И первым делом выяснили, что наши желания отправиться в путь как можно скорее полностью совпадают. Зару это известие опечалило еще больше, но мужественная девушка постаралась не подавать виду. Хорошая жена не станет портить мужу начало пути глупыми слезами, говорит одно из местных правил, и Зара изо всех сил пыталась ему следовать и вымученно улыбаться. При взгляде на нее мне невольно припомнилась бодрая улыбка провожающей меня в портал Зии, и настроение начало стремительно падать вниз, как сброшенный в пропасть камень.

– Пойдем, я отдам тебе твои ножи, – заметив, что я почти не ем, позвал Ештанчи, – я их сохранил.

– Да?! А я и позабыл про них в той суматохе! – неуклюже попытавшись скрыть нечаянно вырвавшееся на лицо удивление, шагнул я вслед за шаманом.

Хотя отлично помнил, что ничего у него не оставлял и не забывал. Да и как я мог бы оставить тут оружие, если оно мне в тот момент было необходимо, как воздух?!

Ештанчи в точности повторил прошлогодний ритуал отпирания дверей, и с каждым щелчком замка в моем мозгу щелкала незаметная пружинка, приоткрывая мне кусочки какой-то загадки, но пока не дававшая ясного понимания, хочу ли я знать ответ.

– Вот. – Заперев за собой последнюю дверь, шаман достал из сундука завернутые в ткань ножи.

Пара обычных метательных ножей, ничем не отличающихся от тех, что распаханы по обнимающему мой торс поясу. Отчего же Ештанчи не захотел отдавать их мне при всех? Никогда не поверю, что у него не было для этого особого повода.

– Ничего не заметил? – почти неслышно хмыкнул хозяин, внимательно наблюдая, как я кручу в руках оружие.

И не столько этот вопрос, сколько сквозящая в его голосе тревога заставила меня присмотреться к тонким лезвиям повнимательнее. Однако ничего подозрительного обнаружить так и не удалось.

– Это очень хорошо, – облегченно вздохнул шаман, – смотри.

Узкое лезвие вывернулось из рукоятки как пробка из флакона, и на смуглую морщинистую ладонь шамана выпала наизнанная на крепкую нить цепочка тонких, как соломинка, разноцветных цилиндриков. Очень похожих на дешевые останские бусы.

– Запоминай. Белый – сильное снотворное, бросишь в

кувшин с вином половину – уснут все, кто выпил хоть глоток. Целым – можно усыпить небольшую деревню. Черный – заставлял мгновенно расти усы и бороду, желтый снимет волосы в одно мгновение. Растворяешь половину в чайной пиа-ле и мажешь. Только не пальцем, а кисточкой. Или чем-то подобным. Красный – выпьешь с чаем или супом и начнешь гореть, как в лихорадке. Недолго, день или два, думать и ходить не мешает. Синий – самый опасный. Дает на несколько часов нечеловеческую силу и ловкость, но потом нужно дня три отлеживаться и хорошо есть. Этого кусочка может хватить на четыре раза.

– А что во втором ноже?

– То же самое. Спрячь так, чтоб случайно не потерять. – Ештанчи тяжело вздохнул и пошел к двери.

– И ты даже не намекнешь, для чего так меня вооружил?! – испытующе смотрел я на мага, скрывающегося под личиной всем известного шамана, и ощущал, как в душе все сильнее разрастается тревога.

А вместе с нею и подозрение. Пока еще призрачное и невесомое, не основанное ни на чем, кроме интуиции и странных действиях шамана. Хотя, если вдуматься, не его одного. И все это мне не просто не нравилось, это тревожило и сердило, заставляя держаться так напряженно, словно беда должна была случиться немедленно.

– Не могу, – на миг обернувшись от двери, горестно шепнул Ештанчи, – я и так... сделал слишком много.

В Кыра-Бутар мы въезжали поздним вечером, когда неяркие краски степного заката уже угасли и на бледном небе появились первые несмелые звездочки. Городок, похожий скорее на большую деревню, встретил нас запахами жарящегося мяса, дыма и навоза, почти возле каждого дома виднелись просторные загоны со слегка отощавшими после зимы лошадьми, коровами и овцами.

Наемники Иштадина расположились на пустыре возле южной окраины городка, недалеко от полноводной пока речки. Расставили полукругом латаные летние шатры, отпустили свободно гулять лошадей, стреножив только чересчур горячих жеребцов. И, сытно поужинав, мирно варили в походном котле степной чай с жирными сливками и солью.

Наше прибытие не особенно взволновало бывалых воинов, засуетился только их командир, выбирая место для нашего шатра. Да прибежал кашевар, спросить, хватит ли нам оставшегося от ужина плова или ставить жарить свежее мясо. От мяса мы дружно отказались, заявив, что плова вполне достаточно. Наши дорожные сумки оттягивали выданные в Декте припасы. И хотя мы ими уже перекусывали, сделав на излете дня небольшой привал, некоторые из выданных продуктов, особенно пироги и жареная птица, подлежали немедленному съедению. Иначе завтракать ими придется местным собакам.

— Когда выезжаем? — только один вопрос интересовал ко-

мандира наемников, крепкого бритоголового воина, явного уроженца более южных провинций.

– Выедем до света, дай наказ постовым, чтоб после полуночи ставили варить мясо, в обед костры разводить не будем, – строго приказал Иштадин, сразу показывая воинам, кто будет здесь распоряжаться.

И это было правильно, в таких походах командир может быть только один. Наемники люди пройдошливые, слабиную чувствуют сразу и не преминут ею воспользоваться. А нам предстоит бой с людьми, собранными лже-Иштадином, и от дисциплины будет зависеть очень многое, возможно, даже жизнь. Конечно, все мы постараемся повернуть грядущие события так, чтоб потерь было как можно меньше. И здесь я больше всего надеялся на помощь мага, хотя и не особенно ясно представлял, что именно буду делать я сам.

И каждый раз, когда я начинал об этом размышлять, в моей душе возникало ощущение неправильности. Вот только в чем оно заключается, я пока никак не мог сообразить. Но и не считаться с интуицией тоже не мог. Потому и решил перед сном сходить на речку смыть пыль и пот. Хотя вода еще мутновата после весеннего разлива, особенно холодной быть не должна. Весеннее солнце в этих местах уже жарит почти по-летнему, и купание отлично снимет усталость и вернет ясность мыслям.

Вода действительно была вполне приемлемой, и плавал я чуть дольше, чем планировал, все же первый раз в этом го-

ду. А когда вылез на бережок и шагнул к приготовленному куску полотна, заменяющему мне в пути купальные простыни, невольно застыл от изумления и ярости. За время отсутствия кто-то успел покопаться в моих вещах.

Моя жизнь так часто зависит от мелочей и деталей, что я запоминаю их совершенно неосознанно. Вот и сегодня, уходя купаться, окинул взглядом небрежно брошенные вещи и запомнил случайное расположение. Просто по привычке, даже не задумываясь, для чего мне это может понадобиться. А вернувшись, сразу понял, что вещи не только трогали, но и попытались положить точно так, как бросил я. Но несколько мелочей не совпали, и это меня сразу встревожило. И как следствие возник естественный вопрос: может ли это мне чем-то грозить?! И если может, то чем?

Я тщательно стряхнул полотно: и начал медленно растирать кожу, лихорадочно размышляя, зачем злоумышленник трогал мою одежду. Банальное воровство я отмел сразу: все вещи лежат на месте. Да и не имеют они такой ценности, ради которой стоило бы рисковать. А денег я с собой сюда не брал, они вообще лежат на дне седельной сумки. Да и к тому же кошель у меня зачарован Клариссой, если кто-то попыбует стащить или открыть – надолго запомнит маговские шутки.

Еще на вещах оставляют приворот или, напротив, отворот, но это тоже неправдоподобно. В отряде нет ни одной девушки, а через городок мы проскочили почти в темноте

и так быстро, что нас и рассмотреть толком не успели. Да и ядом посыпать мои вещи бесполезно, знак королевского ока, который я ношу в личном медальоне, служит не только для предъявления моих прав, но и защищает от подобных сурпризов. И в таком случае остаются самые печальные предположения. Меня обыскивали, чтоб что-то проверить, но что именно?

Небрежно подняв рубаху, я отряс ее от несуществующего песка и отчетливо осознал, что именно интересовало неизвестного шпиона.

Мой пояс с метательным оружием. Оно у меня особое, ни один нож ничуть не походит ни по виду, ни по весу на те, с какими ходят воины или сыскари. Все мои дротики значительно легче, изящнее и короче, чем грубое оружие сидящих на замковых стенах стражников или королевских гвардейцев. Большинство моих ножей и звездочек легко умещаются на ладони, а самые крупные длиннее лишь на четыре-пять пальцев. Насколько мне известно, кроме меня с такими «игрушками» ходят представители некоторых непопулярных профессий, которые предпочитают, чтоб о них знали как можно меньше, да еще опытные проводники и следопыты.

И я давно выработал привычку класть свой пояс так, чтобы ни один дротик не выпал из специального гнезда и ни песок, ни влага не попали на лезвия и наконечники. Для этого пояс нужно свернуть особым образом, и проделать это с

первого раза невозможно. Вот и сейчас мой пояс был недо-
вернут ровно на пол-ладони. А поскольку никто, кроме ста-
рых друзей, Иштадина и мага, не знал, что я его ношу, круг
подозреваемых сужается до четырех человек. И хотя двоих
мне очень хочется отместить сразу же, пока я этого делать не
стану. Просто понаблюдаю за ними и постараюсь понять, че-
го хочет неизвестный грабитель.

Утро я встретил с головной болью и отвратительным на-
строением. Уснуть мешали первые голодные комары, и от-
пугивающий амулет, как назло, остался в сумке. А маг сра-
зу уснул, и будить незнакомого человека из-за такой мелочи
мне как-то не хотелось. Да и мысли, взбудораженные неочи-
сланным происшествием, никак не желали успокаиваться,
подбрасывая все новые причины чьего-то внимания.

И все же постепенно в подсознании начинала связываться
в стройную цепочку одна версия, но она была мне настоль-
ко неприятна, что я совершенно не был готов допустить ее
возможность. Хотя отказаться от попытки продолжить свое
расследование тоже уже не мог.

Глава 2

Горожане, впервые попавшие весной в южную степь, обычно поначалу шалют от восторга и ведут себя как дети. Да и те из местных, кто давно не видел пышно цветущего разнотравья, тоже растроганно улыбаются каждой особенно красочной полянке. И я уже привык не удивляться такому поведению.

Но старший князь Шуари просто потряс меня. Доехав до голубого, как осколок неба, лоскутка цветущих незабудок, он спрыгнул с лошади, упал лицом в цветы и несколько минут лежал неподвижно. И только по едва вздрагивающим плечам можно было догадаться, что он плачет от счастья. Потому что давно простился даже с мыслью о возможности своего возвращения в родную степь.

И, глядя на его вздрагивающую спину, я дал себе слово, что не стану жалеть негодяя, из корысти отнявшего счастье и покой у целой семьи.

Однако вовсе не мне удалось вонзить нож в злобное существо, расплатившееся половиной княжеских стад за чужое имя и имущество. Князь Иштадин Шуари исхитрился самостоятельно срубить вместилище грязных и жадных помыслов.

Мы три дня гонялись за угнанными двойником стадами и повозками с добром. Узнав о приближении большого вооруженного отряда по пастушьей почте, лже-Иштадин загрузил

зил на телеги все ценное, запер домочадцев в подвале и велел слугам поджечь дом. Спасла приговоренных только его поспешность: убедившись, что солома, разложенная вокруг дома, разгорелась, негодяй ускакал вслед за ушедшим обозом. И тогда преданные слуги, давно раскусившие самозванца, раскидали горящие снопы и вывели несчастных из подвала. И очень мудро поступили, не потушив солому сразу, а стаскав в одну кучу и целых три часа добавляя в нее кизяк, мусор и свежую траву.

Охранники негодяя, сдавшиеся сразу после смерти хозяина, рассказали, что лжекнязь не единожды оглядывался полюбоваться на густой столб дыма, продолжавший рваться в весеннее небо.

– Спасибо тебе за все, отныне мой дом – твой дом, мой хлеб – твой хлеб! – поклонился князь, прижимая руку к сердцу, услышав, что я не собираюсь ехать в ними в разграбленное поместье, а прямо отсюда возвращаюсь домой.

И мы оба знали, что эта клятва не пустые слова. Если мне негде будет жить, я смогу приехать, и меня примут как самого близкого и любимого родственника. Вот только вряд ли у меня когда-нибудь появится такая нужда, хотя, как сказал один мудрец, ни от чего в жизни не стоит зарекаться.

Напоследок меня долго мяли и хлопали по плечам вовсе не нежные ручки друзей, и я сносил все это безобразие без малейшего возмущения, потому что чувствовал себя жутко виноватым. За то, что посмел заподозрить проверенных в

бою товарищей.

Наконец прощание закончилось. Сделав вокруг меня последний круг, ускакал вслед за хозяевами Дирам, уводя в поводу коня, от которого я категорически отказался. Прекрасно помня, что в моем замке порталная площадка находится на балконе.

– У меня сейчас не хватит энергии на портал, – спокойно объявил сидящий у погасшего костра Юрис, когда последние телеги с имуществом князя скрылись между пологих холмов.

В погоне за самозванцем и в последующем бою маг действительно тратил энергию, не жалея, и очень помог нам своим искусством. Легко находил нужное направление, путал травами ноги вражеских лошадей, прятал в тумане подбирившийся к двойнику ударный отряд. Однако я уже много лет общаюсь с магами и могу с первого взгляда определить, когда они действительно опустошены до предела, а когда еще могут кастовать. И теперь прекрасно понимал, что мой помощник смог бы открыть и не один такой портал.

Однако говорить ему ничего этого не стал, просто лег на траву и приготовился ждать. За последние несколько дней я уже сделал окончательные выводы и теперь собирался посмотреть, какие действия Юрис собирается предпринять дальше.

Потому что, раскусив одного исполнителя хитроумного плана, пока не мог догадаться, с какой целью все это бы-

ло придумано и кто еще состоит с ним в заговоре. А что цель имелась, и значительная, сомневаться не приходилось: слишком много труда и усилий было вложено в исполнение этого замысла. И вот это и злило меня больше всего.

Потому что я человек, по сути своей, доверчивый и добрый. И если мне объяснить по-хорошему, то я могу все понять и пойти навстречу. А когда меня к тем же действиям принуждают хитростью и интригами, где-то внутри от обиды и возмущения просыпается просто ослиное упрямство и непокорность.

– Могли бы доехать с ними до поместья, – в никуда пробормотал Юрис, – отдохнуть у хороших людей и спокойно уйти в Торсанну. Чего тебе так приспичило вернуться именно сейчас?

– Может, ты забыл или не расслышал, что у меня жена скоро должна рожать? И у меня болит за нее душа, – устало пояснил я и прикрыл глаза.

Ну же, не тяни, выдай мне заранее заготовленную речь. Не понимаю, зачем вам понадобилось что-то от меня скрывать, знаю лишь, что это почти удалось. Если бы не многозначительный подарок Ештанчи да не случайная оговорка Кадина, я бы выбросил из головы все сомнения еще три дня назад.

– Нужно было раньше выезжать, – сердито рыкнул я на друга, когда мы, едва не загнав лошадей, примчались к еще дымящейся куче мусора, разложенной перед центральным входом в летний дом князя.

– Так ведь тебя же ждали, – встревоженно высматривая среди вымазанных сажей людей своих племянников, буркнул Кадин. – Ештанчи так и сказал: ты обидишься, если не дождемся.

Он опомнился в тот же миг, начал что-то объяснять про недовезенное оружие и нехватку наемников, но я уже все понял и поставил в своих выводах последнюю точку. И решил, что буду впредь вести себя очень осторожно и ничем не выдам своих подозрений. Пусть тот, кто решил сыграть со мной странную шутку, считает, что я временно оглох и ослеп.

И катастрофически поглупел.

– Мне кажется, можно попробовать, – завозился Юрис часа через два.

Солнце уже стояло в зените, и он почти сварился в своем форменном камзоле. Я приоткрыл один глаз, с сомнением посмотрел на его покрасневшую физиономию и скептически хмыкнул.

– Давай лучше подождем, пока ты не будешь полностью уверен.

Мне солнце не мешало совершенно, тонкая полотняная одежда и накинутый на два прутика белый платок, который в дороге я ношу по останскому обычаю намотанным на голову, спасали от жары.

– Я уверен. – Похоже, еще немного, и ему придется сотворить какой-нибудь дождик.

Скорее всего, он давно мечтает его устроить, и только собственные слова о нехватке энергии заставляют терпеть. Ну ведь это справедливо, что маг так расплачивается за свою ложь. Никто не заставлял его лгать. Или все же заставлял?

Портал вывел нас в совершенно незнакомое место, и на мой вопросительный взгляд Юрис невнятно объяснил, что это промежуточный пункт. А затем поспешно сбежал, оставив меня одного.

Ну наконец-то, ухмыльнулся я про себя, усаживаясь в кресло, сейчас начнется самое главное.

— Грег Диррейт? — очень официально осведомился вошедший в комнату незнакомый сыскарь, многозначительно кладя перед собой пачку документов.

— Да, это я. — Надеюсь, ответ звучит достаточно сухо и в нем не проскальзывают насмешливые нотки.

— У нашего ведомства к вам несколько вопросов.

— Задавайте, — благосклонно кивнул я в ответ, едва не съязвив, мол, не стесняйтесь. Но вовремя прикусил язык, ни к чему его дразнить или злить. Ведь издали видно, рядовой работник, к тому же молодой, амбициозный. Наверняка считает, что раскручивает дело государственной важности.

— Вначале сдайте все оружие, которое имеете.

А вот этого предложения я ждал. Глупо было бы не ждать, после того как Юрис пытался проверить мои дротики. Ничего он в тот раз, разумеется, не нашел, я специально засунул подаренное Ештанчи оружие в те гнезда, до которых очередь

дойдет в самый последний момент. Точно зная, что такое в моей практике не случилось пока ни разу.

Они и сейчас там лежали, вот только чудодейственных химикатов в них больше не было. Я перепрятал их в более надежное место. Конечно, пришлось припомнить уроки Клариссы и с часочек поработать ночью иголкой, зато теперь уверен, что ничем не выдам старого шамана.

– Пожалуйста. – Поднявшись с кресла, я поднял рубаху и отстегнул с простого ремня свой арсенал.

Положив его на стол, начал доставать ножи из-за голенищ сапог, отстегивать наручи, вытаскивать из намотанного на голову платка диски и звезды.

Ну да, признаюсь, я заранее просчитал, что мне устроят эту проверку, и специально к ней подготовился. В обычное время большая часть этого оружия хранится в специальных пеналах и ножнах. И вовсе не на моем теле, а в походной сумке. Но сейчас мне просто необходимо ошеломить и сбить с толку не только сыскаря, но и магов, незаметно замерших в проеме открытой двери.

– Все, – лихим движением фокусника встряхнув платок, ловко скрутил его в жгут и обернул вокруг головы.

– Еще амулеты и все зачарованные предметы, – как-то нервно попросил сыскаря, опасливо поглядывая на кучу острых и смертельно опасных железок, выросшую на его столе.

– Пожалуйста, – устало согласился я, снимая с шеи связку кулонов, а с рук браслеты и пару колец.

– А остальное? – подозрительно уставился сыскарь на последнее кольцо и идентификационный личный медальон.

– Это фамильное кольцо с печаткой, – повернул я перстень, – и его я сниму только в том случае, если король объявит, что лишил меня титула. А вот это, – обойдя стол, привычным жестом открыл перед носом сыскаря верхнюю крышечку амулета, чтоб он мог ясно увидеть знак старшего королевского ока, – даже король единоличным решением не имеет права снять.

– Но я... – Сыскарь до этого момента явно не подозревал о моем особом статусе и теперь несчастно поглядывал на магов в ожидании подсказки.

Однако, не получив от них никакой поддержки, неуклюже сделал вид, что все это ему отлично известно. И начал деловито отодвигать от меня небрежно выложенный арсенал. Именно с таким расчетом и разбросанный, чтоб ни один человек, не умеющий с ним обращаться, не смог безнаказанно взять оружие в руки.

И почти сразу получил возмездие за свою самоуверенность. В виде довольно глубокого пореза и брызнувшей фонтаном крови.

– Нельзя ли поосторожнее, – высокомерно скривился я, – счищать кровь с оружия и кожаных пенальчиков не самое приятное дело.

Один из магов в три прыжка оказался возле незадачливого сыскаря и мгновенно остановил кровотечение. А потом

одним движением руки убрал кровь с моих вещей. Все ясно, выпускник Южной школы.

– Извините его, – с легкой досадой извинился лекарь, – он не нарочно. Пройдите в соседнюю комнату, подождите, пока мы проверим, нет ли на ваших вещах чужих заклинаний или проклятий. Таково указание главы ковена.

Я только безразлично пожал плечами, типа мы люди подневольные, нам все равно. И неторопливо отправился в соседнюю комнату.

– Не хочешь чаю или травяного отвару? – приторно заботливым голосом предложил Юрис, сидящий возле накрытого стола с кружкой в руке.

Ну, маги, вы что, совсем меня за дурака держите? Да на такие примитивные крючки я не ловился, даже когда еще был учеником второго круга. Даже смеяться расхотелось от такого оскорбления.

– Ничего я не хочу, – раздраженно прорычал я, плюхаясь на диван, – сколько раз тебе говорить, у меня жена беременна! Мне домой нужно! Мне вообще на эти полгода король отпуск дал!

– Да пойдешь ты домой, не переживай, – хмуро вздохнул маг, – сейчас переговоят с тобой и отправят.

За пять дней, что мы провели вместе, я довольно-таки хорошо его изучил и теперь могу утверждать: Юрис согласился на эту роль без особой радости. Скорее всего, его пришлось уговаривать или даже приказать. И за свое решение он уже

заплатил. Мои друзья почти сразу поняли, что к этому магу я отношусь вовсе не так, как к Клариссе с Леоном, и сделали свои выводы. Уже через сутки, а может, и раньше, Юрис сообразил, что в отряде он на положении изгоя, и замкнулся. Ел в сторонке, в разговоры не вмешивался. Оживлялся только в те моменты, когда его о чем-то просили. Хотя я не раз ловил его внимательный взгляд, когда мои друзья начинали вспоминать подробности нашего осеннего приключения.

И сейчас он явно давал мне понять, что ни в чем серьезном меня не подозревают, не догадываясь, что я и сам уже сделал подобные выводы. И даже больше, осмелился предположить, что догадываюсь о настоящей причине. Вот только ему об этом знать вовсе не положено.

В кабинет сыскаря меня позвали лишь через два часа. Сделав самую кислую физиономию из своего богатого набора, плетусь вслед за магом, заранее настраиваясь на длительный и занудный допрос. Выбор сыскаря для сегодняшнего спектакля яснее ясного сказал мне, что ни один из старых знакомых не согласился играть эту роль. Вид моих ножей, старательно разложенных по кучкам, вызвал у меня приступ смеха, который я сдержал только невероятным усилием воли. Ясно, что ничего они не нашли, да и не могли найти, а вернуть оружие на привычные места просто не сумели.

– Я могу забрать свое оружие? – самым любезным тоном, каким разговариваю лишь с врагами и иностранными посла-

ми, осведомился я у сыскаря.

– Да, разумеется, – так же вежливо разрешил хозяин кабинета.

Однако по алеющим скулам и свежим розовым шрамам на пальцах стража закона мне было без слов понятно, что он уже сто раз пожалел о своем согласии на роль в этой постановке. Ну ничего, зато на будущее у него будет отличный иммунитет против участия в интригах начальства.

Взяв со стола свой пояс, я бдительно его осмотрел и, убедившись, что не добавилось никаких сюрпризов, принялся быстро рассовывать дротики по местам. Сначала самые простенькие и дешевые, ими я обычно лишь предупреждаю серьезных врагов и наказываю мелких воришек. Потому они и не всегда возвращаются на свои места. Затем боевые, самые тяжелые и длинные, они хороши, когда враг еще далеко. Потом фигурные, отлаженные бить с переворота, ими удобно поражать монстров, созданных черными магами. Последними шли дорогие, именные, которые можно использовать и как кинжалы. Диски и звездочки я упаковал в кусок тонко выделанной кожи варана и вложил в специальные гнезда на внешней стороне пояса.

А едва водрузив свой арсенал на талию, с удовлетворением ощутил, как знакомая тяжесть возвращает иллюзию свободы.

– Привет, – входя в комнату, хмуро буркнул Зиновас Лавайзир, командир одного из сыскных подразделений. И мой

старый знакомый, почти друг, не раз ходивший со мной на задания. А теперь решивший выступить против меня, если я правильно понимаю? Или нет, скорее позволивший кому-то натравить себя на меня. И этого я ему не прощу, даже если цель у них самая что ни на есть благородная.

– Привет, Зин. – Улыбнувшись самой широкой улыбкой, которую сумел изобразить, я дерзко опустился в облюбованное двумя часами ранее кресло.

Показалось мне или оно точно стало с тех пор каким-то комковатым? Чуть скосив глаза на обивку, понял: нет, не почудилось. Значит, даже бедное кресло подвергли осмотру с пристрастием. Как вовремя я подсуетился со сменой тайника!

Зиновас испытующе изучал мое кристально честное лицо и мрачнел на глазах. И правильно делал, между прочим. Уж кому-кому, а ему-то давно известно, что я не из тех людей, которые забывают добро. И тем более зло.

– Извини, что тебя здесь задержали, – сквозь зубы выдавил он, – надеюсь, ты не будешь на нас обижаться. Открой-те ему портал в замок Монтаеззи. Но... Грег, у меня к тебе личная просьба... никуда не выходи из своего замка, пока не получишь от меня вестника.

– Нет... я не буду обижаться... – улыбался я старому сыскарю так лучезарно, словно он только что подарил мне всех своих знаменитых собачек, – и просьбу твою, разумеется, выполню. Какие могут быть сомнения? И не стоит меня бла-

годарить... сейчас. Потом сочтемся.

Это Зиновас скрипнул зубами или так обиженно скрипнул на раскуроченное кресло? На всякий случай я встал с него и, поглядев на младшего сыскаря, теребящего от волнения свои бумажки, решил, что, по крайней мере, хоть этому вполне могу отплатить уже сейчас.

– Прощай, сыскарь, – произнес я дружелюбно, – мне очень жаль твои руки... попробуй взять несколько уроков у хорошего мастера. Увидишь, это совсем нетрудно.

Простой дротик, выдернутый так быстро, что сыскари не успели даже рты раскрыть для возражений, беззучно пронесся над головой парня и приколол к створке распахнутого окна противную зеленую муху, прилетевшую на запах свежей крови, но так ничего и не обнаружившую.

– Прощай! – Кивнув потемневшему лицом Лавайзиру, я вышел из кабинета и по разгорающемуся сиянию портала сразу сообразил, что маги отлично расслышали все сказанное мною.

Глава 3

Хенрика в моем замке не оказалось. Ну если честно признаться, встретиться с ним в Монтаеззи я даже не рассчитывал. Успел просчитать к этому моменту, что к Кадину маг спроводил меня специально и далеко не по своей воле. Определенно ему приказали так поступить, как и Юрису, и Зиновасу с его подручными.

Однако я не собирался ни звать шурина в гости, ни требовать с него объяснений. Я вообще запретил себе даже вспоминать про тайную операцию магов. Зиновас напрасно просил прощения, мне еще в степи стало понятно, чья это интрига. И последующие события только подтвердили мои догадки, что именно маги всеми силами пытаются меня от чего-то удержать. Вот только от чего именно, я пока понять не мог. А если честно, и не желал. Мне никогда не нравились игры втемную, и лезть в такие я вовсе не собирался.

– Грег, там Мари пришла порталом, вместе с Кариком. – Едва слышные вопросительные нотки прозвучали в голосе вошедшей жены, и я немедленно вскочил с места и устроил ее на диване.

– Пусть погостят, – располагаясь рядом и нежно целуя ее ладошку, благодушно согласился я.

Да пусть хоть сотня гостей наедет, буду только несказанно рад, если это развлечет мою жену. Мне очень не нравят-

ся изменения, произошедшие с ней за те несколько дней, что я провел в Останских степях. Изводившая служанок капризность исчезла, словно смытая внешней водой ледяная переправа. Сейчас моя жена целиком захвачена потоком каких-то новых эмоций. И больше всего меня тревожат собственные догадки, каких именно. Это беспокойство за кого-то близкого настолько сильное, что перебарывает в Ортензии все остальные чувства.

— Грег... — нежные пальчики запутались в моих волосах, — она просит, чтоб ты ее выслушал.

Вот именно этого я и боялся. И не желал просто до дрожи в позвоночнике. Но и отказать жене родственника не могу, по очень многим причинам не могу. Поэтому придется ее выслушать, но, для того чтобы сказанное ею не стало достоинством ушлых магов, необходимо принять меры.

— Хорошо... пусть придет в мой кабинет после обеда. А сейчас давайте просто погуляем?

Как же мне повезло, что моя жена отлично понимает мои взгляды и малейшие изменения интонации. И никогда не вступает в спор, как некоторые вздорные женщины, встречающиеся значительно чаще, чем того хотелось бы. Вот и сейчас она прекрасно расслышала не то, что сказано вслух, а то, что я хотел ей сказать.

И дала об этом понять мягкой улыбкой и поглаживанием моей щеки.

Поэтому гулять мы идем не в сад и не на балкон. Наобо-

рот, прихватив в гостиной Мари, которая на удивление безоговорочно подчинилась взгляду Зии, начинаем спуск вниз, к тем самым подвалам, с которых и началось мое знакомство с этим замком. И с его прелестной хозяйкой, за что я не устаю благодарить всех известных мне богов.

На этот раз мы движемся довольно медленно, и Мари начинает уже выказывать откровенное нетерпение, но я вовсе не намерен из-за ее тревог рисковать здоровьем жены. И продолжаю так же неспешно спускаться впереди, полуобернувшись к Ортензии и контролируя каждое ее движение.

– Наконец-то, – буркнула себе под нос раздосадованная моим демонстративным пренебрежением невестка, когда мы вошли в одну из камер.

Теперь тут не так стерильно чисто. Как оказалось, маниакальной чистоплотностью отличалась не Зия, а покойная Ландиса. Зато появились шкафы, диваны и прочая мебель, перекочевавшая из комнат верхних этажей, где голубоглазый старичок оборудует детскую комнату для будущего лорда Монтаеззи.

А кстати, что-то он мне еще не встречался с тех пор, как я вернулся?! Интересно, успел уже снести голубятню или Хенрик нашел для него убедительные доводы? А если нашел, то любопытно узнать какие?!

Усадив женщин на самый удобный диван, запираю дверь и активирую амулет безмолвия. Теперь ни один самый сильный маг, если он даже затаился неподалеку, не сможет услы-

шать ни одного слова.

– Говори, и поторопись. Амулет не бесконечный, – усевшись рядом с Зией, приказываю невестке нарочито строго.

Чтоб не вздумала начинать рыдать. Тогда нам долго не удастся ее успокоить.

Но она не стала рыдать. Нет, она сделала много хуже. Неуверенно встав со своего места, несколько секунд хмуро меня рассматривала, так что я даже занервничал, и вдруг рухнула на колени. Прямо к моим ногам!

– Мари! – возмутился я, вскакивая. – Ты что, с ума сошла?

– Прости... я виновата, я потом вспомнила... все вспомнила... и отцу рассказала... я вела себя так чудовищно...

– Мари! – прикрикнул я строже, стремясь быстрее поднять ее с пола и прервать этот бессмысленный лепет.

Но она отчаянно цеплялась за мои ноги и, заливаясь слезами, бормотала все более непонятные и неприятные вещи.

– Я знаю, тебе трудно все позабыть... но больше мне некого попросить, а они запретили... даже рассказывать и думать. Я начала все забывать... и вдруг нашла амулет. Хенрик оставил, сказал, поверни камень, если почувствуешь что-то не то.

– Мари, это было давно, я уже все тебе простил. Я тогда тоже был виноват, – усадив наконец невестку на диван, забормотал я успокаивающие слова. Без труда догадавшись, что так нелепо сработал оставленный Хеном амулет. Все менталы больше всего опасаются вторжения в мозги своих

родичей и всегда стараются соорудить им амулеты посылнее. Вот и он, похоже, перестарался. Если вместе с недавними событиями к ней вернулись заблокированные Ромульем воспоминания почти четырехлетней давности.

– Так ты мне расскажешь наконец, что произошло?

– Я не знаю... но они не вернулись... – снова жалобно заплакала Мари, – понимаешь, никто не вернулся!

Так.

Вот оно.

То, чего я так упорно не хотел предполагать.

Они!

Значит, Хенрик все же ушел на задание. И ушел не один. Но сначала сплавил в Останские степи меня. Очень ловко сплавил, нужно будет поздравить родственника с успехом. Я ведь в тот момент даже не догадывался, что он может так со мной поступить. И теперь мне понятно, откуда Ештанчи все знал заранее. Наверняка тоже получил задание задержать меня подольше. Но выполнять его не стал, наоборот, дал мне намек. А возможно, и подсказку, как именно следует решить эту задачу. Ну что ж, значит, у меня на одного проверенного друга стало больше. Узнать бы еще так же точно, на сколько больше стало тех, кому я теперь никогда не смогу доверять, как прежде.

– Мари, успокойся, выпей вот это. – Непонятно, где Зия взяла маленький стаканчик и какие-то пузырьки, но действовала она вполне уверенно.

Значит, таскает с собой, а я и не обращал никакого внимания на вышитый кошель, какие все дамы носят у пояса. Нужно будет выяснить у лекарей, чем это они ее поят и почему я до сих пор не в курсе.

Мари тем временем немного успокоилась, а может, лекарство подействовало, и я приступил к расспросам. Далеко не сразу ей удалось объяснить все более-менее внятно, однако, уловив суть произошедшего, я на несколько мгновений оторопел.

И, забывшись, даже присвистнул. Все было не просто скверно, все было хуже некуда.

А началось все с короля. А если точнее, с того страшного события, которое произошло больше двадцати лет назад. Я был в то время совсем мальчишкой и не вникал в подробности, но атмосферу горя и подавленности, царившую вокруг, помню хорошо. Плакали женщины, мрачно ругались мужчины. В тот день погиб наш прежний король. Вместе с королевой и гостившей в Торсанне принцессой Луизьон, старшей дочерью короля Фляндии. И любимой невестой нашего Торреля Дортеона. В один миг он лишился и родителей, и возлюбленной.

Потом, конечно, сыскари нашли и тех, кто задумал это страшное преступление, и исполнителей, позарившихся на огромные деньги. А молодой король в результате этого расследования лишился еще двоих родственников: дяди по материнской линии и его единственной дочери, своей кузины,

которая с детства вбила себе в голову, что именно на ней должен жениться Торрель.

С тех пор наш король так и не женился, хотя недостатка в женском внимании никогда не испытывал. Но пока ни одна подрастающая принцесса из соседних стран не задела его сердце всерьез, как и многочисленные поклонницы из знатных семей родного королевства. А некоторое время назад ему прислали портрет принцессы из Шладберна. Когда Мари сказала про северную принцессу, я вдруг припомнил, что и сам в курсе этого события. Вспомнились даже веселые шуточки, которые отпускали доставившие портрет порталыщики. Что страна могла бы несказанно разбогатеть, если бы брала хорошие деньги за телепортацию таких ценных предметов.

Но вот о том, что изображенная на портрете девушка чем-то понравилась Торрелю, я услышал впервые. А о таком безумном шаге с его стороны, как неофициальный визит в Шладберн, не знает, по-моему, никто, кроме очень ограниченного круга влиятельных лиц. Да еще Мари, умеющая лучше любого сыскаря выуживать из Хенрика самые секретные сведения.

Единственное, чего она не смогла сказать точно, – это кто именно отправился сопровождать короля. То есть имена-то Хен называл, но ей они были незнакомы и потому не запомнились. Зато Мари точно знает, с кем пять дней назад ушел ее муж. Кларисса, Леон и Энилий. Очень интересная компа-

ния. Трое старших магистров и маг первого круга. Все мужчины – менталы, а Клара эмпат и природник.

Хенрик обещал вернуться через два дня, сказал жене, что у всех есть порталные амулеты. Но ни один из магов не вернулся до сих пор, и никто не прислал ни одного вестника.

Хуже ситуации, чем эта, я даже припомнить не мог и теперь отлично понимал угрюмость Зина. Мало того что они короля потеряли, так еще и приходится возиться с возможными претендентами в спасатели. Особенно с такими нахальными, как я. И ведь понимал же он, что вся их возня бессмысленна, если я захочу уйти, то уйду. И клятва меня не удержит, потому что я вообще выше его по статусу и имел полное право не давать никаких обещаний. Надеюсь, Зин понимает это так же ясно, как и я.

Но сейчас для меня намного важнее другое: понять, с чего следует начинать поиски. Ведь еще только давая Мари разрешение на этот разговор, я уже точно знал, как поступлю. Не в моих правилах отказывать в помощи попавшим в беду женщинам. Тем более после того, как я выяснил все подробности происшествия.

– Грег, а как ты выберешься из замка? Порталы они наверняка сбили, – задумчиво нахмурилась Ортензия, и у меня прокатилась по сердцу теплая волна.

Большинство из знакомых мне дам в этой ситуации встали бы в дверях с воплем – не пушу! Или закатали мужу истерику, предложив выбирать между ней и службой. Некото-

рые выразились бы еще хуже, заявив, что нечего мужу туда соваться, раз даже сильные маги не смогли справиться.

А моя жена размышляет, как помочь мне обмануть могущественный ковен и не попасть в лапы его соглядатаев.

– Мне нужно немного над этим подумать. Все равно пара часов ничего не изменит, – благодарно целуя ее запястье, вздохнул я. – Попытайся лучше определить, кто в нашем замке работает на ковен. А теперь нам пора отсюда уходить.

– А зачем определять, если я точно знаю. – Сквозь вымученную улыбку Зии сквозила тревога. – Хен еще два года назад шепнул по секрету. Это наш мажордом. Но он влюблен в Ренну, и я могу ее попросить...

– Нет. Ничего никого не проси. И не объясняй. Я сам все сделаю, просто постарайтесь вести себя, как обычно.

Проводив женщин наверх и устроив с удобствами в гостиной, я рванул было в библиотеку, но новая мысль вернула меня с полдороги. Не буду я копаться в пыльных фолиантах, наводя на догадки тех, кто попытается меня выследить. У меня есть совершенно уникальная возможность получить нужные сведения из первых рук. Но вначале стоит тщательно продумать все тонкости начинающего вырисовываться плана побега.

Мне пока было не особенно понятно, как именно я попаду в Шладберн, это должно выясниться позже. Но одно предельно ясно уже теперь: магия в этот раз мне не поможет. Да и ни в какое сравнение не идет мощность кучки амулетов,

накопленных мною за годы службы, с мощностью толпы магов, ушедших туда. И не вернувшихся назад.

Простой вывод напрашивался сам собой: если она не помогла им, то мне тем более не стоит и пытаться. Следовательно, нужно искать другие пути и других помощников. И вот этим я и займусь в первую очередь, едва покину замок. А покинуть его надо как можно скорее. Маги наверняка отслеживают передвижение Мари, и вскоре на помощь моему персональному соглядатаю придет более опытное подкрепление. А возможно, уже и прибыло. Значит, надо создать такую обстановку, работать в которой им будет намного труднее.

В потайной кладовочке у меня собран целый склад вещей, которые любой нормальный лорд давно бы выбросил на помойку. Старая одежда и обувь, ливреи, сумки, шляпы, походные принадлежности и всевозможные инструменты. И, разумеется, в особом шкафчике разложен целый арсенал зачарованных предметов. Однако в этот раз все они остались на своих местах, как ни хотелось мне взять хоть самые простенькие амулеты. Наоборот, к ним добавилось несколько вещей, которые я с сожалением снял с себя. Оставив, да и то лишь до того момента, как смогу отдать на хранение Ортензии, идентификационный овал и фамильный перстень.

Взял я лишь одноразовый амулет личины да два кристалла переноса, спрятав их в потайной кармашек пояса. Конечно, вокруг замка маги обязательно поставят искажающий купол,

который собьет портал и вернет меня назад. Но накрыть куполом все окрестности не под силу даже им. Поэтому мне нужно лишь выбраться из замка и отойти на несколько миль. Жаль, конечно, что в Шладберн или хотя бы в Гассию мне не попасть: один амулет настроен на сравнительно небольшое расстояние, а второй – вообще на возвращение в Монтаеззи. Но обогнать магов я все же надеюсь.

После того как я разобрался с амулетами, пришла очередь одежды. В одну сторону легло то небольшое, что я намеревался взять с собой, в другую – вещи, призванные помочь мне уйти незаметно. Затем я написал пару подробных инструкций на маленьких листках бумаги, свернул их в крошечные квадратики и спрятал за обшлагами рукавов. Убедившись, что письма не выпадут при нечаянном движении рук, тяжело вздохнул и направился в гостиную, где пили чай мои дамы.

Предстояло самое тяжелое – прощание с женой. Только вчера вечером я вернулся из опасной экспедиции, а сегодня вынужден снова бежать из дома. И в этот раз даже приблизительно не могу сказать, когда снова увижу любимые серые глаза. Но даже несмотря на то, что мое путешествие вряд ли будет легким, я не могу не осознавать, насколько тяжелее будет ей. Тем, кто остается ждать, всегда труднее. Разум, эта величайшая награда и величайшая кара человека, еже часно будет терзать ждущего страшными картинками выдуманных бед. Воображаемые сцены гибели любимого отравят само существование, страшные кошмары станут преследо-

вать не только ночью, но и днем. Лишь очень немногие, абсолютно лишенные воображения люди легко переносят разлуку, но, как я подозреваю, такие и не знают счастья истинной любви.

– Зия... ты не против, если до обеда я займусь хозяйственными делами? – произношу вслух, а глазами говорю совершенно иное.

– Разумеется, нет, я же сама попросила тебя взять на себя эти заботы, – глядя мне в глаза, твердо сообщает Ортензия, и я прекрасно понимаю, что она тоже имеет в виду не проверку отчетов.

Мари, незаметно получившая вместе с дружеским пожатием квадратик послания, в деланом негодовании поджала губки и покинула гостиную.

Все, начался отсчет выделенного мною на эту авантюру времени. Словно закрутились невидимые колесики, разгоняя мельницу событий. Теперь невестке потребуется несколько минут, чтобы прочесть письмо и собраться. И только эти минуты остались у меня, чтоб произнести самые важные слова, те, которые будут успокаивать Зию в мое отсутствие и греть надеждой ее измученную ожиданием душу.

– Я вернусь. Даже если придется совершить невозможное. Ты мне веришь?

– Да...

– Не забудь про это. Пока ты веришь, меня хранят удача и боги. И береги здоровье... кстати, что это такое ты таскаешь

в кошеле?

– Самые обычные настойки, их все женщины в моем положении пьют. Чтоб сон был спокойнее, чтоб ноги не так отекали... Не волнуйся, я сама не стану пить лишнего. И пожалуйста... постарайся вернуться... к тому моменту...

Как все женщины, никогда не рожавшие детей, Ортензия жутко боится родов и давным-давно взяла с меня обещание, что в этот трудный день я буду рядом. Хотя я и сам не собирался оставлять ее в такой момент. Вот только жизнь, как всегда, внесла свои поправки.

– Зия... я вернусь намного раньше. Что мне там делать столько времени? А ты не нервничай, побольше гуляй... ну сама знаешь.

– Я хочу покататься! В вашем замке такая скука! – капризно объявила влетевшая в гостиную Мари, и я тяжело вздохнул.

Собралась она намного скорее, чем было в моих планах.

– Отправьте кого-нибудь в деревню за коляской, – приказал я, вызвав звонком мажордома, – да пригласите ко мне в кабинет управляющего с отчетом. Дорогая, ты тоже поедешь кататься с Мари?

– Нет, я хочу немного полежать перед обедом. Проводи меня, – устало вздохнула жена и оперлась на мою руку.

Проводив Зию в спальню и получив на прощанье несколько нежных поцелуев, щедро приправленных горечью расставания, я отдал взамен маленький кошелек, в который спря-

тал фамильный перстень и свой личный медальон. Ортензия должна тайно хранить эти бесценные вещи до моего возвращения.

Урвав на прощанье еще один, самый горький поцелуй, я с тяжелым сердцем отправился назад в кабинет. Там мне предстояло провернуть самую трудную и непредсказуемую часть задуманного плана. Я был намерен склонить к соучастию старого управляющего, верно служившего еще отцу Ортензии. Без его помощи мне не удастся незаметно выскользнуть из ловушки, в которую маги превратили наш замок.

– Вы меня вызывали, милорд?

– Садись, Гавор. Мне нужна твоя помощь в очень щепетильном деле, но, если ты откажешься, я не стану обижаться.

– Я не стану отказываться, – перебил меня обычно очень вежливый старик, – говорите, что нужно делать. Я для вас на все готов.

– Пропал Хен... – До решительного согласия старика я еще сомневался, стану ли пояснять ему суть происходящего.

А теперь просто не могу смолчать, сраженный его великодушием. Да и пытать его никто не станет, даже если что-то пойдет не так, как я запланировал.

– Но я не могу открыто пойти на его поиски. Ковен считает, что это опасно.

– А это... в самом деле опасно?

– Не больше, чем любое другое дело, – солгал я, – просто немного необычное. Но я надеюсь вернуться, и Зия в это то-

же верит.

– Что требуется от меня?

Он понял мой замысел с полуслова, и через несколько минут все было готово.

Закончив приготовления, я звонком вызвал в свой кабинет мажордома, которому теперь не доверял и потому соби-
рался сыграть со шпионом небольшую шутку. А едва он во-
шел, направил на соглядатая амулет, подчиняющей созна-
ние. Энергии, вложенной в него, хватает лишь на минуту, но
мне достаточно было и нескольких секунд, чтобы приказать
мажордому выпить полстакана воды.

Соглядатай выпил безоговорочно, не догадываясь о под-
мешанной в воду крошке снотворного, взятой из зелий, по-
даренных Ештанчи. Впрочем, он выпил бы даже в том слу-
чае, если что-то подозревал: амулет, сделанный самим Лео-
ном, способен вывести из строя и более мощного мага. Жаль
только, что его придется оставить вместе со всеми остальны-
ми магическими вещами.

Усадив спящего в кресло, я отправил управляющего вы-
дать слугам нужные распоряжения. А пока он ходил, быстро
и тщательно переоделся и активировал амулет личины, ре-
шительно поменяв собственную внешность.

Разумеется, до полной трансформации, какую накладыва-
ет Кларисса, амулету иллюзии бесконечно далеко. Меняется
не весь облик, а лишь лицо, делая владельца амулета похо-
жим на того человека, чей образ запечатлен при первой ак-

тивации. На этом амулете мы несколько минут назад запечатлели образ Гавора.

– Похож, – удивился управляющий, – только такие камзолы я никогда не ношу. Возьмите лучше мой.

– Но он больше никогда к тебе не вернется... – засомневался я, глядя, как Гавор решительно стягивает отутюженный камзол.

– О чем вы говорите! Да я все готов отдать... чтоб Хенрик вернулся. Не знаю, говорили они или нет... могли и смолчать, по скромности... но старый лорд любил его, как сына. И даже собирался подарить один из замков... да запомнил по болезни.

– Я отдал Хену свой дом в Торсанне... – почему-то захотелось оправдаться мне, – а если он захочет, может всегда жить тут...

– Да я не про это, – расстроился добрый старик, – мне известно, сколько вы для них сделали... я просто хотел сказать, что и я для него готов на все. И для вас с миледи Ортензией.

– Береги ее, – вздохнул я, натягивая еще хранящий тепло законного владельца камзол, – а я постараюсь вернуться побыстрее. Никто из слуг не забеспокоится, что я так долго сижу тут взаперти?

– Так привыкли уже... что вы со странностями... и слова не скажут, – только произнеся это, Гавор сообразил, что назвал меня, по меньшей мере, чудачком.

А по большей – сумасшедшим.

– Не переживай, я знаю, что ты так не считаешь. А для меня, как видишь, такое мнение даже выгодно. Ну иди от-правляя лакеев.

– А забежать переодеться я не успею? – уже в дверях спросил старик, с сомнением оглядывая старенькую ливрею, отобранную у меня.

– Только поторопись. Они должны выйти в тот же момент, как прибудет коляска, – кивнул я покладисто, рассчитав, что у нас есть в запасе немного времени.

А еще через несколько минут я в личине и камзоле Гавора важно сошел в холл и имел возможность самолично наблюдать за суматохой, вызванной последним приказом моего нынешнего двойника. Объявившего слугам, что тот из них, кто первым доставит в замок баночку розового варенья и лукошко перепелиных яиц, получит неделю оплаченного отпуска и портал в любой город.

В этот момент и прибыла коляска для Мари. Лакей, сидевший на месте кучера, с такой завистью смотрел на приятелей, что не отпустить его было просто невозможно. Впрочем, именно на это и был рассчитан мой план – осчастливить парнишку великодушным движением руки и взять вожжи в свои руки.

– Госпожа Марита ждет на западной веранде, – выскочила на крыльцо служанка, и я резко щелкнул кнутом, направляя лошадь на дорожку, огибающую дом.

Все-таки хорошо, что мы вовремя снесли стены, раньше

пришлось бы слезать с козел и открывать не одни ворота. Проезжая мимо полюбившейся голубятни, я издали заметил копошащиеся там фигурки рабочих и белую шляпу архитектора, но воспринял это на удивление безучастно. В момент, когда жизнь друзей в опасности, судьба старого сарайчика перестает казаться такой значительной.

Развернув коляску так, чтоб она полностью закрывала собой выход с веранды, выбранной мною за идеальное совпадение просчитанному до мелочей плану, я слез с облучка и отправился за Мари. Однако вовсе не забота об удобстве гостыи занимала в этот момент мои мысли.

На самом деле мне нужно было помочь Гавору незаметно пробраться в коляску, ведь те, кто наблюдал за замком снаружи, обязательно сосчитают всех вышедших. А потом и вернувшихся. Оставалось надеяться, что сидящих в засаде магов все же меньше, чем отправившихся за розовым вареньем лакеев. Которым для скорейшего исполнения указания приказали бежать в разные стороны. А еще больше я надеялся на нехватку у ковена старших магов, особенно менталов и опытных сыскарей, бывших сейчас гораздо нужнее в другом месте.

Мари догадалась надеть на прогулку самую пышную юбку и развевающуюся летнюю накидку, и это значительно облегчило нам задачу. Прикрывая пригнувшегося старика собой, как ширмой, мы добрались до коляски, и он ловко нырнул внутрь и затаился на полу, у ног Мариты, задрапировавшись

ее юбками и полой накидки. Я поспешил взобраться на свое место, осторожно обвел двор бдительным взглядом, проверяя, не заметил ли этого маневра кто-нибудь посторонний. Все было тихо, и, как я и предполагал, соглядатаев сейчас больше волновала толпа лакеев, бегущих в разных направлениях.

Усаживаясь, я незаметно спихнул с кучерского сиденья для Гавора подушечку и старался не гнать лошадей слишком быстро, но преданный слуга стоически терпел все неудобства. Поглядывая на его серьезное лицо, виднеющееся из-под края накидки, я пообещал себе придумать для старика достойную награду, когда вернусь. Эта часть моего плана прошла гладко в большей мере благодаря его самоотверженности.

Выехав за ворота, я решительно направил лошадей к виднеющейся вдалеке рощице, однако, проехав с полмили, резко свернул вправо, словно подчиняясь прихоти капризной барышни. А на самом деле пытаюсь найти свидетельство чужого присутствия. Но сколько я ни всматривался, все вокруг оставалось спокойно, не взлетали, спугнутые чужаками, птицы, не пригибалась от движения невидимых ног молодая травка.

Хотя отсутствие подобных примет вполне могло и ровно ничего не значить. У ковена столько тайных способов следить за людьми, что знать их все просто невозможно. Однако можно попробовать просчитать, скольких магов ковен может

выделить без ущерба всем прочим проблемам. У меня выходило – не очень-то и много. Наверняка сейчас все их усилия направлены на спасение короля и коллег. Значит, можно не слишком затягивать спектакль с капризной гостьей в главной роли и не мучить доброго старика, а выиграть несколько лишних минут.

Собиравшая подснежники Мари, правильно раскусив мой громкий вздох, немедленно полезла в коляску, громко сообщая, что тут ей не очень нравится и она хочет проехать дальше.

Хочет, значит, поедет, безразлично кивнул я в ответ и направил лошадь к королевскому тракту. Там я давно заприметил один отличный овражек, протянувшийся едва ли не на десяток миль.

– Вот здесь мы и расстанемся, – спрыгнув с коляски на маленькой полянке, окруженной густыми зарослями вербы, объявил я побледневшей Мари, – погуляйте еще с часок и возвращайтесь. И запомни – никому ничего нельзя говорить. Даже если этот человек будет похож на Клариссу, на Хена или на меня. Я смогу вернуться в самом лучшем случае не раньше чем через пять-шесть дней, и тот, кто придет раньше, будет просто двойником. Но если мне все же повезет вернуться раньше, то сумею придумать, как доказать, что я не подделка. Есть вещи... которые знаем только я и ты.

– Поняла, – глотая слезы, пробормотала она, – а ты постарайся... его найти.

– Конечно, а зачем еще я иду? – не оглядываясь, буркнул я в ответ и нырнул под покрытые пушистыми почками ветви.

Мне нужно пробраться оврагом как можно дальше от дороги, чтоб маги не засекли слабый всплеск энергии от используемого кристалла переноса. Ну а в случае если они его все же заметят, направление переноса должно заставить сомневаться всех здравомыслящих магов и сыскарей в том, что отсюда уходил именно я.

Глава 4

– А квадратики-то у тебя найдутся? – подозрительно поинтересовался, нависая надо мной, трактирщик.

Я молча выложил на выскобленные добела доски пару медников и удрученно вздохнул. Именно так, как, на мой взгляд, должен вздыхать бродяга, расстающийся с последними деньгами.

– Ну и чего тебе подать на такие большие деньги? – Непонятно пока, чего больше прозвучало в его вопросе, иронии или все же издевательства, однако я уверен, что вскоре мне удастся услышать совершенно иные интонации.

– Молочка бы... и хлебушка белого. Желудок у меня... не терпит иного.

– И как давно не терпит? – В голосе хозяина сквозь насмешку звучит неприкрытое недоверие.

– Да уже больше двух лет. Весной, точно помню, поел я похлебки из зайчатины, и сразу скрутило. Небось заяц был травленный, а я-то гадал, чего он так легко попался.

Молча сцапав мои квадратики, великан исчез в дверях кухни, а через минуту оттуда выплыла немолодая разносчица, держа в руках крынку с молоком и полковриги хлеба. Поставив крынку передо мной, ловко выхватила из бездонного кармана кухонный нож и прямо на столе покромсала хлеб на ломти.

– Ешь сколько сможешь, остатки я тебе с собой в тряпицу заверну, – поглядывая на меня с сочувствием, сообщила женщина и неспешно удалилась в обратном направлении.

Я запивал душистый хлеб густым холодным молоком и пытался понять, поверил ли мне трактирщик. Если поверил, то почему повел себя так равнодушно?! А если нет, то не слишком ли много продуктов я получил за свои медники? Впрочем, мой желудок вовсе не считал, что это так уж много, все-таки я нормально обедал, вернее, завтракал больше суток назад, незадолго до побега. Правда, в свертке, который сунул мне на прощанье Гавор, оказались именно такие продукты, которые хороши в путешествии. Высушенные почти до состояния сухарей копченое мясо и сыр, замешенная на яйцах и масле, тонко нарезанная сухая лапша и жареные ядра горного ореха. Весят такие продукты немного, а сваренные в котелке дают очень наваристую и питательную похлебку. Причем, что особенно важно, при нехватке времени их можно жевать и на ходу. Я так и делал, отмахав несколько миль по дну оврага и еще почти миль двадцать после использования амулета переноса. Мог бы пройти и больше, кабы шагал не по полям и грозовые тучи не затянули полуночное небо непроницаемым пологом. Однако невзирая на то, что непросохшая после зимы почва в низинках пыталась оставить себе на память мои сапоги, выходить на дорогу я не собирался, хотя и двигался на запад, а не на север, где находится Шладберн и куда, по логике преследователей, я дол-

жен был стремиться. Но не стремлюсь, потому что вовсе не желаю попасть им в лапы. А желаю попасть в гости к одному старому должнику, коего я однажды случайно спас от больших неприятностей. И который в нашу последнюю встречу, подстроенную через верных людей, требовал с меня обещание в случае нужды обращаться к нему безо всякого стеснения. Дав мне для связи адрес того самого заведения, где я сейчас поглощаю скромный обед.

– Поел? – Разносчица сноровисто завернула в салфетку оставшийся хлеб. – А теперь иди. Да не благодари, лучше помоги парнишке бычка на выпас отвести, такой шалый бычище об этот год, просто беда.

– Помогу, чего ж не помочь, – гадая, правильно ли понял намека, ответил я, вставая со скамьи и направляясь к двери, – а где, бычок-то?

– Во дворе, иди через черный вход, так ближе, – указала на дверку за стойкой женщина, смахивая со стола крошки, и я, проходя мимо начищенного до блеска медного чайника, довольно подмигнул своему отражению.

Брр. Ну и рожа! При одном только взгляде на торчащие в разные стороны смоляные лохмы и нечесаную бороду так и хочется быстренько вывернуть все карманы и вежливенько протянуть на ладонке их содержимое. Собственному отражению, разумеется, больше вокруг не наблюдается никого, обладающего такой разбойной внешностью.

Но я сам сотворил себе именно такую, при помощи алхи-

мических зелий Ештанчи и крошечного зеркала. А перед тем снял и тщательно схоронил под выворотнем приметную одежду управляющего, в которую завернул использованный амулет личины и остальные вещи в надежде когда-нибудь за ними прийти. И остался в таком рванье, что те из местных жителей, кто ранее заметил бредущего по полям и перелескам мужчину в зеленом камзоле, никогда бы не признали меня за него.

– Ну же, шагай, зараза упрямая! – Парнишка, дергавший за ошейник пятнистого бычка, оглянулся на меня и приказал: – А ты чего стоишь, бери веревку! Я сзади подгонять буду!

Так это что, слова разносчицы не были просто поводом, чтоб отправить меня с провожатым, и я на самом деле должен тащить на еле пробившуюся травку упрямую животину?

Если впредь мне пообещают заплатить золотом за подобную работу, я сто раз подумаю, прежде чем взяться. Настырное животное оказалось на удивление сильным, а его представление о том, куда нужно бежать, было противоположным приказу, полученному мной. И тянуло оно меня с такой скоростью, что нечего было и думать остановиться или взять на себя управление его передвижением.

В результате мы три раза обежали вокруг хлева, где надрывно орала учуявшая своего ребенка корова и куда, судя по выкрикам бегущего следом мальчишки, нам нельзя было попадать ни в коем случае. А потом этот пятнистый монстр

заинтересовался пробегавшей мимо трактира собачонкой, и мы рванули за ней. Хорошо еще, что она успела юркнуть под ограду, и, пока бычок заинтересованно присматривался к висевшей на ней дерюжке, нас догнал пастух.

– Иди туда! – Взмахом одной руки указав мне направление, он смело сунул другую прямо в пасть пятнистому чудовищу.

Не знаю, чем она была вымазана, но бычку это явно понравилось, и несколько шагов он послушно шел рядом с парнишкой. Дав мне время забежать вперед и натянуть веревку.

Когда мы наконец достигли полянки на склоне одного из окрестных холмов, где бычку предстояло провести остаток дня, я чувствовал себя одновременно и героем, и простаком, перетаскавшим гору камней за крынку молока.

Пока пастух привязывал длинный поводок мгновенно успокоившегося животного к торчавшему на склоне деревцу, я сидел на валуне, с наслаждением глотал легкий весенний ветерок и уныло разглядывал повисшие на горизонте темные облака. И они не нравились мне все больше. Если не удастся сегодня добраться до цели моего путешествия, то придется ночевать под дождем. И хотя я вовсе не неженка, перспектива такого испытания на прочность вовсе не добавляет оптимизма моей душе.

– Иди вон туда, – остановившись рядом со мной, тихо пробормотал парнишка, указывая глазами направление, – перейдешь речку по бревну и увидишь тропку. Иди по ней, ни-

куда не сворачивая, это углежогги протоптали. А как доберешься до ежевичника, не зевай, будет незаметный отворот вправо. Шагов эдак через двадцать от первых кустов. Только погляди вначале, чтоб никого вокруг. А коли правильно пройдешь через ежевичник, увидишь березу о трех головах, на нее и иди, да не петляй, болото там. А уж от березы все просто, лощинкой так и иди.

Я дружески хлопнул парнишку по плечу и решительно зашагал в указанном направлении. Впрочем, других вариантов у меня все равно не было.

Однако, уже дойдя до речки, обнаружил, что то ли пастух плохо объяснил, то ли я не так понял. Только никакого бревна и поблизости нигде не было видно. Для верности я прошел пару сотен шагов вверх по течению, потом еще несколько раз по столько же вниз и только тогда увидел вдалеке нечто похожее на переправу. Пробираясь к ней сквозь заросли прошлогодней осоки, я с досадой начал понимать, что парень меня нагло обманул. А может, и его мать, внешнего сходства пастушонка с разносчицей трудно было не заметить. Ну а если протянуть ниточку предположений дальше, то выходит, что провел меня сам трактирщик.

Значит, не поверил или посчитал недостойным знакомства с Раммом. Ну конечно, от северянина за версту тянет благородными предками. Десятком поколений как минимум. Есть в его бледной физиономии что-то такое, что трудно объяснить словами, но зато сразу определяет подсозна-

ние. Особенно женское. За те шесть или семь дней, что мы провели вместе, я не раз становился свидетелем, как девицы разных сословий и возрастов начинали при виде Рамма вести себя более скованно и молчаливо. Даже самые заядлые болтушки мгновенно превращались в чопорных скромниц.

Видимо, и трактирщик, как все представители его профессии прекрасно разбиравшийся в статусе клиентов, не смог поверить, что Рамм может быть знаком с нищим бродягой. Вот и отправил меня на всякий случай куда подальше.

Перебираясь по сыроватому и оттого скользкому бревну на другой берег, поросший подступающим к самой воде смешанным лесом, я твердо решил не сворачивать ни в какое болото. Несмотря на то что тропка и в самом деле нашлась. Прошлогодня, почти неприметная, видать, с тех пор, как закончились грибы и прихваченные морозом поздние ягоды, никто тут и не ходил. Я шел по ней не спеша, начиная понимать, что план провалился и придется с ходу выдумывать новый. А для этого искать тех, кто сможет мне помочь, так как в надежде на Рамма я не взял с собой ни денег, ни оружия. Несколько самых простых дротиков за поясом, невзрачный на вид кинжал да кошель с зельями не в счет, с таким боеприпасом даже против самой захудалой шайки не выстоять. А лучшее оружие брать было нельзя, первая же стычка или облава – и меня упрячут в камеру. А потом, естественно, с почетом отправят домой и будут сторожить уже совсем по-иному.

Низенькие колючие кустики, в которых запутались мои сапоги, не только отвлекли от мрачных мыслей, но и заставили подозрительно осмотреться. Если я ничего не путаю, вот это и есть ежевичник, только еще не проснувшийся после зимы и потому совершенно невзрачный. Ни резных листьев, ни скромных белых цветочков, ни фиолетово-черных ягод пока нет и в помине. Только покрытая мелкими колючками путаница гибких плетей. А раз есть ежевика, почему бы не проверить, нет ли болотца и трехглавой березы? Через несколько минут в ежевичнике был найден почти незаметный проход, и я, прихватив на всякий случай сухую ветвь, найденную под разбитым грозой деревом, вступил на него.

Чтобы через четверть часа выйти к зеленой низинке, пролегающей между двумя пологими холмами. Вдали действительно виднелась береза, и даже не одна, а целая рощица, но они меня больше совершенно не интересовали. Потому что на мшистом обломке камня сидел стройный мужчина с чуть выющейся рыжеватой шевелюрой и рассматривал меня с подозрительной заинтересованностью. Значительно более незаметной, чем пристальное внимание огромного черного пса, настороженно приподнявшего лопушистые уши.

– А я уже решил, что трактирщик надо мной подшутил, – облегченно вздохнул я, направляясь к нему, – здравствуй, Рамм.

– Я не Рамм и не знаю тебя, незнакомец, – холодно произнес он, – потому не подходи ближе, если тебе дорога жизнь.

Моя собака может... немного тебя пожевать.

— Ну во-первых, — не останавливаясь, строптиво фыркнул я, — мои дротики летают быстрее, чем бегают собаки, а во-вторых, если эта зверюга та самая, что сожрала два года назад большую половину моей каши, то теперь ей должно быть стыдно сожрать и меня.

— Грег?! — еще только привстал с камня Рамм, а опознавший меня раньше хозяина Каф, хлопая развешающимися ушами, уже несся навстречу.

Пришлось срочно отпрыгивать в сторону, но избежать встречи с огромными лапами и слюнявой пастью все равно не удалось.

— Мне обещали, что меня будут жевать, а не сдирать живьем кожу, — пытаюсь увернуться от старательного шершавого языка, возмущался я, но, вместо того чтобы отогнать Кафа, Рамм и сам принялся мять и стучать мою спину.

Попутно смущенно объясняя причину своего странного поведения.

— Ты понимаешь, он примчался бегом, с выпученными глазами... и с порога закричал, что меня ищет сыскарь.

— Он мне польстил, сыскарем я еще не работал.

Молотящий хвостом Каф наконец-то перестал меня облизывать и принялся в восторге носиться кругами по полянке. Если кому-нибудь вздумается изучать тут следы, то он решит, что на путников напала целая стая диких собак.

— Но почему ты в таком виде? — устав шлепать мою спину,

Рамм вспомнил наконец и про свою ошибку.

– Может, мы поговорим об этом в другом месте?

Невежливо, конечно, так в лоб напоминать друзьям про правила гостеприимства, но быстро темнеющее небо не оставило мне иного выхода. Не люблю я гулять под дождем в дрянной одежонке и без защитных амулетов.

– Грег, ты, конечно, извини... – Кажется мне или он действительно мнется как-то подозрительно?!

– Да в чем дело?

– Мне повезло, что, когда Баргоз приезжал, Нувины не было дома. У нее... такое воображение... что я просто боюсь. Поэтому... ты не обидишься, если мы пойдем в сторожку углежогов? Сейчас она пустует, весной лес не рубят.

Нет, я не против, мне это даже на руку, чем меньше народа посвящено в мои дела, тем надежнее. Но как следует понимать его слова про воображение? Пожалуй, лучше уточнить это заранее.

– Рамм, мне все равно, где переночевать, а тебя искать не будут? – постарался я представить свои сомнения как невинную заботу.

– Я часто хожу на охоту, – поднимая с земли и забрасывая на плечи увесистую походную суму, пояснил северянин, – специально приучаю ее к моему отсутствию. Чтоб не переживала, когда уйду. Ты знаешь, я ведь решил... вернуться.

– А твои... неприятности... – топая за уверенно лавирующим между деревьями и валунами Раммом, опасливо задал

я вопрос, на который не решился два года назад.

– Я тебе расскажу... когда придем. Тут недалеко, – не сразу ответил он, и мне ничего не оставалось, как поверить этому обещанию.

Сторожка углежогов оказалась довольно длинным и высоким деревянным зданием. Рамм уверенно пошарил под крыльцом и достал ключ.

– От охотничков лорда Гонтариса запирают, – буркнул он, снимая увесистый замок. – Эти господа тут уже не раз пожары устраивали.

Как же я забыл, что нахожусь на границе с землями лорда, славящегося своим пристрастием к охоте, шумным застольям и безбашенным забавам. Король морщится каждый раз, когда слышит это имя, но никаких серьезных обвинений, достаточных, чтоб лишить Гонтариса титула или части поместья, сыскари пока не обнаружили.

– Проходи, – крикнул из глубины дома Рамм, и я шагнул в пахнущее зимней сыростью полутемное помещение.

Очень своевременно шагнул: в спину ударил резкий порыв ветра, густо приправленный дождевыми каплями. И следом прыгнул Каф, не переносивший воду с того самого дня, как кто-то жестокий бросил щенка в реку. Мы с Раммом случайно нашли его в прибрежных камышах, мокрого, трясущегося и настолько обессиленного, что малыш не мог даже скулить. До привала он добирался за пазухой у северянина и с тех пор считает его своим хозяином. А может, даже богом.

Пока Рамм разжигал огонь и пристраивал над ним котелок, я бегло осмотрел помещение и притащил к очагу невыделанную шкуру дикого быка, найденную в общей комнате. Ничего, что она гроыхает, как доспехи северных рыцарей, зато можно удобно устроиться возле огня. Каф мгновенно оценил мою находку и шлепнулся рядом.

– Угощайся и рассказывай, – наливая в кружки горячий отвар ягод шиповника и пододвигая ближе большую миску с домашними пирогами и кусками вареного мяса, предложил северянин и устроился на другом конце шкуры.

– Да в общем-то рассказывать мне особо нечего, – хмыкнул я, утолив первый голод, – несколько человек, чья судьба мне небезразлична, отправились в Шладберн и не вернулись. Я хочу попытаться их найти, но у меня нет никакой информации про эту страну. Если можешь помочь, расскажи все, что знаешь.

Рамм долго молчал, с преувеличенной тщательностью обгладывая пустую кость. Помалкивал и я, не желая торопить старого друга, такие решения каждый должен принять сам.

– Кто послал тебя... за этими друзьями? – наконец выдавил он, не глядя мне в глаза.

– Никто. Ковен категорически против моего вмешательства, – признался я честно, не стоит играть втемную с друзьями, если надеешься получить от них искреннюю помощь.

– А кто сказал тебе... куда они пошли? Может, вовсе не в Шладберн, а в Гассию?

– Мари сказала, жена моего шурина. Он тоже ушел. Я обещал ей, что сделаю все, что смогу.

– А зачем они туда пошли?

– Мари говорит, искать нашего короля. – Я сильно рисковал, открывая Рамму государственную тайну, но иначе не мог бы надеяться на его помощь.

У гассийской знати собственные представления о чести и патриотизме, в основном совпадающие с теми, которые узаконены в нашем королевстве. Однако есть и отличия, переступить которые не решится ни один северный дворянин.

– А что там делает ваш король?

– Получил пару недель назад портрет шладбернской принцессы и решил познакомиться поближе. Для чего в сопровождении нескольких приближенных лиц отправился с неофициальным визитом.

– Когда именно?

– Рамм, я не знаю. У меня жена... через пару месяцев должна родить. Поэтому я взял отпуск и безвылазно сижу в замке.

Он молчал и думал так долго, что я слегка задремал под боком похрапывающего Кафа.

– Дождь кончился. – В тишине голос северянина раздался так неожиданно, что я даже вздрогнул. – Я принял решение. Сейчас мы с Кафом пойдем домой, скажу Нувине, что дождь плохая охота. Соберу все нужное и вернусь. В Шладберн я тебя одного не пущу.

– Но, Рамм, мне же пробираться через Гассию! А тебя там ищут! – расстроился я.

Тащить с собой непрофессионала вовсе не входило в мои планы.

– Только при условии, что ты не попытаешься сбежать или отделаться от меня, я могу рассказать тебе все, что знаю про Шладберн. А знаю я немало, я там родился. Не сказал тебе потому, что сначала не доверял, а потом уже было неудобно. В Гассию я приехал по приглашению дяди... ну а дальше ты знаешь.

Да, про зловключения Рамма я наслышан. И даже больше, сам помог ему избежать гассийского правосудия. Потому что был уверен в его невиновности. И еще потому, что не терплю, когда пытаются построить свое счастье за счет чужих бед. История Рамма проста и банальна до неприличия. Его дядя, богатый седидами, годами и брюшком лорд, неожиданно встретил мечту всей своей жизни. Но через некоторое время обнаружил, что его молоденькая мечта тратит немного больше денег, чем он получает доходов. И угрожает возлюбленному, что покинет свитое им гнездышко, если котик не придумает, где добыть столько золотых квадратов, сколько ей нужно для воплощения всех желаний. Естественно, дядя впал в такое расстройство, что готов был продать все свои поместья и отдать денежки любимой ягодке. Но вот беда, по правилам Гассии сделать он этого не мог, все наследовал старший из мужчин следующего поколения.

Здесь нужно признаться, что почтенного дядю мне было ни капли не жаль. Слишком много я встречал мужчин с посеребрёнными временем висками, абсолютно уверенных, что некоторые юные девушки искренне предпочитают дряблые плечи и обвисшие животы немолодых любовников гибким телам юных красавцев. Их невозможно убедить никакими доводами разума, они не верят горестным историям и не учатся на чужих ошибках.

Бесполезно все. Только один голос имеет значение для оглохших, как токующие лесные петухи, мужей – голос их юных возлюбленных. С искусством прим королевского театра играющих свои коронные роли.

Однако как бы хорошо ни оплачивалась работа актрисы, редко кто из прелестниц выдерживает очень долго. Не тот это сорт людей, чтобы, набравшись терпения, ждать, пока ловко обведенный вокруг пальчика немолодой сластолюбец покинет этот мир, а заодно и свою ягодку. Вытянув из него все квадратики, юные красавицы начинают торопить события. В планы коварных красоток вовсе не входит подарить легковушному старичку всю свою молодость без остатка.

И возлюбленная дядюшки Рамма не была исключением. Рассмотрев приехавшего погостить родственника, девушка быстро сообразила, что может сменить дряхлого любовника на молодого. И окончательно ее решение окрепло после того, как ягодка обнаружила, что именно племянник является наследником родовых замков и капиталов. Ее план был

прост, как выведенный огурец, – соблазнить парня и сбежать вместе с ним. В его поместье, разумеется.

Первая часть задуманного удалась ей лучше некуда: подпоенный крепким ромом с добавкой приворотного зелья Рамм не сопротивлялся ни секунды, когда обнаружил в своей постели горячую служанку.

Это он так думал, что служанку. В полумраке не разглядел, да и времени особо разглядывать ему не дали. Вначале ягодка, а потом нанятый дядей убийца, неслышно скользящий в приоткрытое окно. Как северянин потом догадался, с умыслом приоткрытое.

В жизни часто справедливость переплетена со злом, спасение с бедствием. Вот и Рамму вначале очень повезло, когда убийца по ошибке отправил в оплаченный дядей путь вовсе не того. Вернее, не ту.

А потом пришло возмездие в виде охранников, которых старый лорд направил в комнату племянника, крича, что видел, как кто-то влез в окно.

Обнаружив в постели Рамма заколотую возлюбленную, дядя взбесился как покусанный оводами бык и дал дознавателям ложные показания. В которых сообщил, что племянник домогался своей молоденькой тетушки, а когда она отказала, завлек в свою комнату обманом, соблазнил и убил.

Я впервые повстречался с северянином в тюрьме города Дунрин на юге Гассии, где выступал в роли адвоката одного из своих сограждан. Мне удалось добиться разрешения

взять своего подопечного на поруки, и это спасло несчастному Рамму жизнь. В тот день я сумел передать ему листок с указаниями, и, когда парня вывели на помост, установленный у стен тюрьмы, и спросили, имеет ли он последнее желание, северянин слово в слово повторил мои инструкции.

Что желает поцеловать вон ту женщину в зеленом платке.

На вопрос судьи, не против ли дама, я энергично помотал головой и полез на помост. От волнения Рамм стиснул меня так крепко, что я еле сумел сломать лучик амулета переноса притиснутыми к груди руками.

Потом мне пришлось расплачиваться за свою доброту несколькими днями пеших скитаний по лесам и болотам, но я ни о чем не пожалел. Рамм оказался именно таким человеком, каких я понимаю и с какими могу подружиться. Он сам не подстраивался под мое мнение и не пытался переделать по своему подобию меня, чего я совершенно не выношу. Но особенно мне нравилась его внутренняя цельность и подтянутость. Несмотря ни на что, и стоя по колено в болоте, и переплывая нагишом бурную весеннюю речку, Рамм оставался благородным лордом, временно попавшим в тяжелые обстоятельства.

– Грег, что ты молчишь?

– Извини, задумался. Вспомнил вдруг, как мы с тобой исчезли с того помоста, и представил, какая там была суматоха.

– Я точно знаю какая, – тяжело вздохнул Рамм, – недавно встретил в Елине знакомого. Он приехал по делам, и мы

столкнулись в дверях харчевни.

– Какие могут быть дела у гассца в королевстве? – напрягся я.

Рамм, несмотря на свой ум и находчивость, иногда слишком доверчив.

– Торговые. Его семья много лет поставляет в королевство гассийские товары, я его знаю именно по сделкам. Но не это важно сейчас... я солгал ему, рассказывая, где живу... Нувина настрого запретила мне говорить правду.

И правильно сделала, хмыкнул я украдкой, если бы не ее помощь, наивному Рамму пришлось бы много хуже. Я не мог притащить спасенного ни в свой замок, ни в Торсанну, Кларисса мне уши бы за это открутила. Это в собственном королевстве я человек, облеченный нешуточными полномочиями, а в Гассии на тот момент я был преступником. Потому что жил под личиной и с чужим именем. Ну а после спасения Рамма мне и подавно не стоило туда соваться.

Поэтому северянина пришлось оставить у жившей на отшибе травницы, купание в ледяных реках и таскание за пазухой мокрых щенков обернулось жестокой простудой. Лишь много позже мне удалось отправить Нувине через надежного человека кошелек с деньгами, а в тот момент я смог оставить ей всего несколько гассийских круглых монет – все, что нашлось в карманах после покупки лошади, на которой мы добрались до целительницы. Идти своими ногами Рамм к тому времени уже не мог.

– Так вот, – помолчав, продолжил рассказ северянин, – этот человек рассказал, что примерно через год после моего исчезновения дядя сильно заболел... и, когда почувствовал себя совсем плохо, признался во всех своих поступках. Теперь его уже нет, а меня разыскивают совсем по другому поводу. Нужно принимать родовые замки и поместья, иначе все отойдет следующему наследнику.

– Сколько у тебя есть времени для вступления в наследство? – сразу уловил я главную причину, по которой смогу отказаться от его компании.

– Наследник должен вступить в права владением не позднее чем через два года после смерти прежнего владельца, – строго пресек мои надежды Рамм, – так что у меня достаточно времени.

– А Нувину... тебе совсем не жаль? – прекрасно понимая, что задаю не совсем учтивый вопрос, я тем не менее не мог его не задать.

– Грег... я догадываюсь, что ты думаешь о наших отношениях, но это не так. Мы с ней друзья, и не больше. Я всегда знал, что когда-нибудь уйду... просто должен буду уйти. Потому и не хотел делать ей больно.

– Извини. – Я чувствовал себя свиньей, влезшей в чужую, любовно обихоженную клумбу.

– Ничего... это я виноват, не объяснил все сразу. Но жаль, что я на ней не смогу никогда... у меня на родине ее не примут. А просто так... не такая она женщина.

Это он сам не такой мужчина, понимающе хмыкнул я, как-то так обычно получается, что людям, не имеющим особых моральных принципов, живется намного сытнее и теплее, чем честным и благородным.

Однако все мои возражения против его присоединения к спасательной экспедиции на этом закончились, потому и пришлось скрепя сердце объявить, что я согласен с его предложением.

– Только возвращайся до рассвета, – мстительно бросил я вслед направившемуся к двери Рамму, – ждать не буду.

– Подождешь, – хладнокровно откликнулся он, – я дверь на замок запиру. Чтоб какой-нибудь бродяга случайно не забрался. Сам понимаешь, замок срывать никто не решится, углежоги не те люди, что прощают такое самоволие.

И пока я искал доводы, могущие убедить друга в ошибочности такой предосторожности, он шустро захлопнул за собой дверь и гроыхнул щеколдой.

Ох, похоже, правду говорят, что с пятью врагами справиться легче, чем с одним другом.

Глава 5

Рамм явился только под утро, хмурый и осунувшийся. Едва отворилась дверь, я приоткрыл рот, чтоб упрекнуть друга за долгие сборы, но, рассмотрев в свете маленькой масляной лампадки его глаза, смолчал. Последнее дело – сыпать соль на раны, когда людям и без того тошно.

– Идем, – коротко бросил он, и я, пожав плечами, направился следом.

Каф радостно потерся о мою ладонь крупной башкой и помчался вперед, собирая на себя росу. Кроме него, никакого другого имущества при северянине не было, и я незамедлительно сделал из этого однозначный вывод. Стало быть, Рамму не удалось незаметно уйти от Нувины. Ну что ж, не всегда получается так, как загадано.

Тропа, по которой мы шли в этот раз, была более широкой и натопанной, чем вчерашняя, и я внезапно сообразил, что это и есть путь, по которому уголь отправляется в дома жителей и на рынок в Елин. И привести он может только к одному месту – к дороге в город или в деревню. А я сейчас вовсе не горю желанием посещать такие оживленные места. Слишком недалеко я успел уйти от замка, и если Зие не удалось подольше держать в тайне факт моего бегства, то сейчас на всех дорогах, ведущих из королевства, должны стоять сыскари и маги.

– Рамм, а нам не опасно идти в сторону дороги? – спросил я спину северянина, впрочем особенно не надеясь на быстрый ответ.

– Там в ложке Нувина с повозкой ждет, – откликнулся он мгновенно, словно ждал этого вопроса.

Наталкивая меня своей поспешностью на нехорошие подозрения. Ох, чую, неспроста она встречает нас в стороне от дороги. Определенно решила, что ее загостившегося пациента собираются увести из королевства обманом. И я не я, если травница не попытается вывести меня на чистую, как она считает, воду. Значит, неплохо было бы заранее подготовиться и припомнить все подробности нашей короткой встречи. Память у меня, конечно, профессиональная, специально тренированная на запоминание любых мелочей, вот только слишком много времени прошло. А главное, событий и встреч.

Плохо, конечно, что на мне нет знака королевского ока, в прошлый раз, чтобы убедить травницу хранить тайну Рамма, пришлось показать ей золотую каплю. Теперь придется обходиться без вещественных доказательств.

Я поймал себя на том, что порой даже думаю терминами, позаимствованными у сыскарей, и едко хмыкнул. Не зря говорят: с кем поведешься, так тебе и надо.

Лошадь, тщательно выщипывающая молоденькую травку, выступила из сумерек как-то разом, еще миг назад вокруг были только темные пятна кустов – и вдруг один из них пре-

образовался в четкий четырехногий силуэт. А сразу за ним чуть более светлым выткалась женская фигура, в длинной юбке и наброшенной на плечи вязаной шали.

– Добра будь, хозяйюшка, – сказал именно те слова, которыми приветствовал ее два года назад.

Я так хорошо их запомнил, потому что в нашу первую встречу Нувина схватилась за тяжелый ухват. Да и любой на ее месте схватился бы при виде ввалившихся в дом грязных и оборванных мужиков, еле стоящих на ногах. Вот и применил я тогда подаренный Клариссой прием, самым кротким тоном произнес самое миролюбивое приветствие.

– Добр будь и ты, – чуть помедлив, холодно отозвалась Нувина.

– Не вижу ухвата, которым ты меня обычно встречаешь, – усмехнулся я чуть ехидно, – или у тебя в этот раз приготовлено что-нибудь посерьезнее? Например, тот меч, что хранился в кладовой за ларем с мукой? Помнится, он был в довольно интересных ножнах, с выгравированным гербом лорда Гонтареса.

– Что ж ты ему не донес? Он небось щедро бы отблагодарил.

– Не имею привычки выдавать чужие тайны и ценю тех, кто верно хранит мои, – эту фразу я невольно сказал чуть резче, чем мог бы, но Нувина не обиделась.

– Грег, это все-таки ты. – Шагнув вперед, женщина на миг крепко прижала меня к груди.

– Это я, кто же еще. Вот только золотую капельку в этот раз показать тебе не могу, оставил на сохранение жене, – честно признался, рассматривая нерадостное лицо целительницы. – Но если захочешь, ты сможешь ее увидеть.

– Что ты этим хочешь сказать? – насторожилась травница.

– Зие рожать через два месяца. Мне будет спокойнее, если ты будешь сейчас рядом с ней. А она будет спокойнее, если получит от меня весточку.

Эта идея пришла мне в голову секунду назад и сразу так понравилась, что я решил во что бы то ни стало уговорить Нувину отправиться в мой замок. Когда она появится в Монтаеззи, ни у кого из сыскарей не появится ни малейшего сомнения, что это всего лишь мое объявление дошло до очередной кандидатки на место личной целительницы миледи. Разумеется, в серьезных случаях мою жену будут лечить лучшие лекари-маги из ковена, но ведь зачастую женщинам нужно не столько лечение, сколько внимание и мудрый совет. А лучше целительниц это не умеет делать никто.

– Отправляйся, Нуви, – пробормотал Рамм, старательно не глядя ей в глаза, – если дядя и правда во всем признался, мне нужно будет заняться делами. А без нас с Кафом тебе будет... страшно. Попроси, пусть Баргоз за домом присматривает, чтоб бродяги не шныряли.

– Извини, Рамм, – перебил я друга, устав слушать его виноватый лепет, – но вместе с собакой я тебя не возьму. Пусть Кафа заберет Нувина. Слишком он приметен, да и в дили-

жанс с огромным псом не возьмут. А своими ногами мы будем идти еще полмесяца. Поверь, мне тоже дорог Каф... но там ждут помощи люди.

– Он прав, – сочувствующе вздохнула Нувина, – Каф и вправду никогда не был среди чужих людей, невозможно представить... что он может сотворить.

Заметив, каким несчастным стало лицо северянина, женщина смолкла и умоляюще уставилась на меня, но чем я мог помочь другу? А переливать из пустого в порожнее как-то не хотелось.

Наконец лорд взял себя в руки. Опустился на корточки, обхватил лобастую собачью голову и что-то тихо зашептал в ухо довольного хозяйской лаской пса. Нувина, отвернувшись, вытирала концом шали глаза, а я разглядывал светлое небо и злился на себя за неудачную идею просить помощи у sentimentalного северянина.

– Я могу довезти вас до Удичей, там у меня клиент с ошпаренной ногой. Вообще-то я езжу на перевязки в обед, но можно придумать любую причину, – задумчиво произнесла травница. – А оттуда рукой подать до перевала. Если очень нужно, могу и проводника найти. Должен мне один парнишка... не откажет.

– Мне нравится твое предложение, – сразу оценил я все выгоды этого плана, – только нужно бы спрятать меня. А вы будете изображать рассорившихся супругов... если в розыск пошлют эмпатов, они вам поверят.

На самом деле я хотел дать Рамму еще немного времени, чтобы хорошенько обдумал свое решение. Он не станет скромничать, а в открытую скажет все, что решит, в этом я не сомневался ни минуты, мы достаточно времени провели вместе, чтобы я до конца понял его характер.

Северянин молча влез в повозку и откинул сиденье задней скамейки. Под ним оказался довольно просторный ящик, при виде которого мое настроение ухудшилось еще сильнее. Что поделать, не люблю я таких ситуаций, просто не выношу. Однако выбирать не приходилось, вот и пришлось мне совершенно добровольно укладываться в пахнущий травами гроб и наблюдать, как захлопывается над головой крышка.

Потом повозку затрясло, наклонило в одну сторону, в другую... затем она резво запрыгала на ухабах проселочной дороги.

– Грег, как ты там? – участливо поинтересовался голос Нувины.

– Прекрасно, – саркастически усмехнулся я, – только не зовите меня больше Грегом.

– А как тогда? – озадачилась травница.

Откуда мне знать как? Если я никогда не был в Шладберне и не представляю, какие там распространены имена?

– Пусть Рамм придумает что-нибудь попроще. Такое, чтоб меня не принимали за лорда.

Через некоторое время, посоветовавшись, мои спутники сообщили, что мне лучше именоваться Тимом, и я, помор-

щившись, чего, к счастью, никто увидеть не мог, согласился. Хотя и напоминало мне это имечко собачью кличку или даже кошачью, но раз в Шладберне так зовут людей, привередничать не стану. Да и то сказать, каких только имен я не примерил к себе за годы работы.

Повозку трясло неимоверно, но я нашел более-менее удобное положение и через какое-то время уснул. Разбудила меня остановка и громкие голоса, звучавшие рядом с повозкой.

– Кого ищут-то? – спрашивал чуть дребезжащий старческий голос, а молодой уверенный басок отвечал, явно гордясь собственной осведомленностью:

– Каторжника беглого. Говорят, страшен, как тать. Обросший весь, шутка ли, три месяца по лесам бегают.

– Так что ж он там ел, в лесах-то, зима ведь была!

– Дык кого ловил, того и ел! – снисходительно фыркнул молодой, и у меня похолодело в груди.

Как рьяно маги взялись за мою поимку! И какую историю для этого подходящую придумали! Ведь ничего хуже, чем натравить на меня простой люд, нельзя было даже представить. Теперь каждый, кто заметит незнакомца, сразу помчится доносить. Несколько золотых квадратиков, которые в таких случаях обязательно обещают в награду, никому не помешают. Разумеется, будет пойман не один десяток невиновных и выдана в премию куча денег, но кого это остановит? Шанс, что я окажусь среди пойманных, довольно велик,

значит, стоит попробовать.

– Кто и откуда? – В строгом голосе, раздавшемся рядом с повозкой, прозвучали плохо скрытые усталость и раздражение.

– Как это кто? – очень искренне возмутилась Нувина. – Я травница здешняя, меня каждый знает! К больному тороплюсь! А это муж мой, Берран, для безопасности со мной ездит, говорят, милорд Гонтарис на охоту собирается!

– К вам никаких претензий, а у всех мужчин берем каплю крови. Преступник где-то добыл амулет личины, – терпеливо пояснил проверяющий, и я едва не зарычал от возмущения.

Разумеется, образец моей крови есть в центральном хранилище цитадели магов, но я никогда бы не подумал, что его можно использовать подобным образом. Хотя, что ни говори, придумано хитро: все подозрительные проверяются на месте и никуда тащить их не нужно. Интересно, сколько еще таких постов стоит на дороге и как они собирались ловить выдуманного каторжника, если бы я, заметив толпу, попытался обойти ее стороной?

Но сейчас интереснее другое, что мне делать, если сыскарь захочет обыскать коляску?

– Гармиш, там двоих поймали, пытались лесом пройти, – кричит кто-то запыхавшийся, и человек, задержавший коляску, бросил Нувине краткое:

– Проезжай.

Уф, повезло. Я мысленно поблагодарил всех богов разом, никогда нельзя знать наверняка, кто из них помог в трудную минуту.

— Сразу бы так, — раздраженно буркнула травница, и повозка резко дернулась с места.

Я сполна прочувствовал этот рывок собственными боками, но постарался стиснуть зубы и не выдать себя возмущенным вскриком.

Некоторое время мы тряслись молча, и я получил возможность еще раз обдумать и переоценить все, что недавно узнал. И вместе с пониманием обстановки пришло четкое чувство протеста. Мне очень не нравится происходящее, причем с каждым мигом все больше. Ведь если исходить из простой предпосылки, что ковен намерен спасти короля всеми силами, они должны, наоборот, собирать сейчас всех носящих звание королевского ока, сыскарей, магов и войска. И разрабатывать план по возвращению Торреля.

Разумеется, в таком случае у тех, кто его захватил, появится отличный повод для шантажа, но ведь и маги могут пообещать снести с лица земли столицу Шладберна, Кольдн, кажется.

Но на деле происходит нечто абсолютно противоположное. Вместо того чтоб спасти короля и коллег, ковен пытается не допустить моего визита в северную страну. Причем не стесняясь пользоваться сомнительными методами и не жалея средств. Что-то тут не так. Нет, решено. Как только мы

остановимся, насяду на Рамма с вопросами. Недостаток информации может стать для меня губительным. И не только для меня. Торрель, Кларисса, Хенрик, Леон... боюсь даже представить, что с ними может произойти, если мы не потопимся.

– Тим, – стукнул в крышку кулачок Нувины, – а ты уверен, что точно ничего такого... не натворишь?

– Если не доверяешь, то надо было сдать меня магам, – обозлился я, – ты же не первый год живешь, чтобы не знать святого правила: человеку нужно или доверять безоговорочно, или с ним не знаться вовсе. Иначе это не дружба, а лукавство.

– А как же торговцы, клиенты... – засомневалась травница.

– С ними у тебя деловые отношения, когда это я говорил, что можно доверять торговцам?! В это ремесло изначально идут лишь те, для кого деньги важнее друзей! Да и родных. А если и попадет случайно кто честный, так из долгов не вылезет. Я из всех торговцев только одного порядочного знаю, Джуса Чануа, но у него к этому делу талант.

– Вот тут ты прав, – подумав, согласилась Нувина, – вон Баргоз сколько лет трактир держит, а живут на то, что дает хозяйство. Тебе, случаем, не душно, может, крышку приоткрыть?

– А скоро мы доберемся?

– Не очень, с часок будем ехать. Так как насчет крышки?

– Потерплю, – вздохнул я, – а вы для меня никакой одежды не захватили?

– Захватили, – порадовала Нувина, – вот только переодеться тебе тут негде. Как приедем в Удичи, там и переоденешься, в конюшне. А у тебя и правда амулет личины есть?

– Нету, и вообще ничего магического нет. До меня туда четверо магов ушло, очень сильных и опытных. И ни один не вернулся. Да и на короле амулетов нечитано. И сопровождающие его тоже обвешаны были, как я думаю, по самые уши. Но никто не вернулся. Значит, магия мне не поможет, вот и оставил все дома. Только одну вещичку взял... но хочу спрятать перед тем, как идти в Кольдн.

– Какую?

Разговаривать, лежа в темном ящике, очень неудобно, но вовсе не потому, что трясет и душно. Я люблю, разговаривая, смотреть в глаза собеседника, следить за его мимикой и настроением. Без этого мне некомфортно. Поэтому я, прикинувшись глуховатым, не ответил на вопрос травницы, а она не стала настаивать.

Дорога показалась нестерпимо долгой, я даже начал подозревать, что мы едем куда-то не туда. Однако, услышав мычание коров, невнятные разговоры и другие звуки большого села, успокоился и подобрался. Наступал довольно важный момент, и от того, как сейчас повернутся события, зависело мое ближайшее будущее. Тут я вспомнил про непреклонное решение Рамма идти со мной и подавил тяжкий вздох. Наше

будущее – так теперь мне следует говорить и думать.

Несколько поворотов и особенно глубоких ухабов – и в ящике становится темно по-настоящему. Исчезли даже узенькие полосочки света, пробивавшиеся ранее сквозь щели.

Нувина с кем-то здоровается и, судя по затихающему голосу, постепенно удаляется, а я все жду сигнала.

– Вылезай, – шепчет наконец Рамм, поднимая крышку ящика, – никого нет.

Я мгновенно выскользнул из набившего бока тайника в полумрак повозки и опустил скамью на место. Моим глазам не потребовалось привыкать к царящему тут сумраку, потому я сразу увидел узел с одеждой и Кафа, сидящего у ворот в конюшню. Молодцы, догадались оставить пса на страже. Я одобрительно хмыкнул, сбрасывая с себя ветхий зипунок.

Ничего, что немного прохладно, я быстро управлюсь. Вытащив из потрепанного заплечного мешка крошечное зеркальце и флакончики, приступаю к делу. Нужные растворы я приготовил еще в замке, справедливо предположив, что лучше сделать это спокойно в домашней обстановке, чем где-то под кустом. И теперь разведенная половина снадобий разлита в маленькие флакончики, тогда как остальное тщательно упаковано в воощенные лоскутки шелка и зашито в простенький на вид поясок, который я никогда не снимаю.

– Ловко, – уважительно хмыкнул Рамм, наблюдая, как, выставив перед собой зеркало и огарок зажженной свечи, я

маленькой щеточкой наношу раствор на черные космы.

Через полминуты все они лежат на зипуне, а моя голова блестит, как у кансайского монаха.

– Какого цвета волосы носят люди с именем Тим? – освещаюсь у северянина, заинтересованно разглядывающего мое лицо, и по его легкому смущению понимаю, что ничего хорошего не услышу.

Ну да, все как я и предполагал. Более светлые волосы, с легкой волнистостью, в Шладберне привилегия знатных господ. А Паты, Меты и Тимы буйно кучерявы и ярко-рыжи. Еще четыре года назад меня такая внешность немного расстроила бы, теперь же я недрогнувшей рукой добавляю рыжую крупинку в бесцветную жидкость, полученную из зелья Ештанчи. Возможно, особых кудрей и не будет, но нужный цвет гарантирован. Не зря я потратил полчаса драгоценного времени на эксперименты.

– Неплохо бы еще бакенбарды, усы и бородку, – осторожно советует Рамм, наблюдая за быстрым ростом рыжей шевелюры, и я немедленно следую его указаниям.

Насчет бровей я догадался уже сам, заметив, как неестественно смотрятся четкие, слегка изломанные черные полоски среди рыжих зарослей.

Все. Теперь можно и переодеваться.

– Вот это нужно будет сжечь, – объявляю другу, переложив необходимые вещи в простую, но добротную суму и связав в узелок прежнюю одежду.

– Сожжем, – кивнул он, с удовольствием рассматривая результат моих трудов, – а пока пойдем отсюда. Нувина сказала хозяевам, что я хочу немного поохотиться.

Что? И он говорит мне это только сейчас? Да ведь они могли вернуться в любую минуту! Ну как же я мог забыть, что, разговаривая с Раммом, нужно обязательно заранее выяснять все мельчайшие подробности!

Все это я высказал себе, летя впереди северянина к дальней дверце. Селяне специально делают такие выходы в огороды или на задние дворы, чтоб было сподручнее вытаскивать навоз. А в случае надобности через них так удобно удирать из-под опеки хозяйственных жен.

Через несколько минут, проскочив на одном дыхании навозную кучу и еще не копанные грядки, мы вылетели на крутой бережок узкой речушки. Что речка маленькая, понятно по просвечивающему сквозь густой ивняк противоположному берегу. Пройдя по сыроватой тропке, обнаружили довольно удобный горбатый мостик. Возле мостика вперед вырвался Каф, и, пока я наблюдал за тем, как он уверенно перебирается на другой берег, в душе родились вполне законные подозрения.

– Рамм, ты ничего не хочешь мне сказать?

– Про что?

– Про пациента Нувины. Не слишком ли гостеприимно к вам относится его семья?

– Так ведь он ей дядя. Двоюродный, но когда заболел,

других врачей не признает, — невозмутимо сообщил лорд, ступив на мостик.

— А почему вы мне этого сразу не сказали? — рассердился я.

— Но это же не имело никакого значения, — легкомысленно пожал плечами Рамм, разбивая этим жестом переполненную чашу моего терпения.

— Рамм! — Я рыкнул так грозно, что убежавший вперед Каф даже оглянулся.

— Я слушаю, — вежливо приподнял брови лорд.

— Слушай, — согласился я, — и запоминай! Я найду способ, как оставить тебя тут, если ты не переменишь своего отношения к мельчайшим подробностям происходящего. И не возьмешь за правило делиться со мной всеми, даже незначительными на твой взгляд, деталями. Мне, разумеется, будет очень жаль поступать с тобой подобным образом, но иначе я не смогу дойти до цели своего путешествия.

— Грег, — чуть виновато глянули на меня голубые глаза, — я все понял. Но пойми... пока я не увидел тебя без этой жуткой личины, во мне жило стойкое неприятие этого... человека. А вот когда ты... поменялся, я тебя окончательно узнал. Извини еще раз.

Ну что ты будешь с ним делать? Ох, чувствует мое сердце, натерплюсь я еще бед от его заморочек.

Шли мы далеко и долго, и я, поглядывая на уверенно шагавшего вперед друга, мог без колебания сказать, что бродит

он в этих местах далеко не первый раз.

– Рамм, это твое любимое место охоты? – не выдержал я наконец.

– Нет, – спокойно объяснил он, – но отсюда ближе всего до границы с Гассией.

Этим ответом он сразил меня наповал. Разумеется, я изначально понимал, что северянин тоскует по родине. Но даже не догадывался, что его тяга к ней так сильна.

– Но ведь до ближайшего городка даже на карте несколько десятков миль, а напрямик через горы не пройдешь? – Я осторожно попытался выяснить ход его рассуждений и получил еще более ошеломляющий ответ.

– Когда с той стороны дует ветер, мне кажется, что я узнаю родные запахи, – мечтательно произнес Рамм и неожиданно сконфузился. – Ты меня осуждаешь?

– Нет. Просто лучше узнаю себя и понимаю, какая я скотина, – расстроено буркнул я, – притащил человека в чужую страну и умыл руки.

– Не смей так думать ни про себя, ни про меня, – резко оборвал мои причитания северянин, – я не маленький мальчик, и если бы очень сильно захотел, то давно уже нашел бы способ вернуться. Да и ты не обязан со мной возиться всю жизнь, если спас один раз. И кстати... я тебе еще тогда хотел сказать, но не верил, что выживу. В моей стране есть обычай, спасенный от смерти считает своего спасителя отцом или старшим братом. И обязан во всем его слушать. Но ты

особенно не радуйся, это касается только обычных, житейских ситуаций. А если ты сейчас попробуешь приказать мне вернуться, я не послушаю.

Ну вот, а я только обрадовался! Ладно, тогда зайдем с другого бока.

– Кстати, ты собирался рассказать мне все, что знаешь про Шладберн.

– Извини, – снова огорошил меня Рамм, – расскажу только после того, как мы вступим на его земли. И поверь, это вовсе не моя прихоть. Все, кто посвящен в истинное знание, дают такую клятву. Но вот кто ты такой и как попал в Гассию, я сейчас как раз придумываю.

Спасибо, друг! До сих пор я был твердо уверен, что и сам способен сочинить вполне жизнеспособную легенду.

Глава 6

– Дальше сегодня не пойдем, придется заночевать тут. – Худенький паренек, со стянутыми в смешной хвостик светлыми волосами, изо всех сил старался казаться взрослым и независимым. Эдаким прожженным контрабандистом, лихим и отчаянным. И хотя изрядная доля авантюризма в его работе, несомненно, была, кому, как не мне, понимать, что Ивар выбрал эту профессию вовсе не по зову души, а от неизбежности. Здесь больше негде заработать приличные деньги вот таким паренькам, не желающим пасти скот и выращивать зерно.

– Как устроимся на ночлег? – тихонько поинтересовался Рамм, проводник еще в начале пути запретил нам громкие разговоры и лишние движения.

Меня такой вопрос не интересовал, и так ясно, что ночевать придется чуть ли не сидя. В небольшом закутке, образовавшемся между огромным обломком скалы и росшей из-под него кривой сосной, едва поместились наши лошади, оставив для нас меньшую половину уступа.

Тревожило другое. Здесь, на крутых северных склонах Гассийской гряды, до сих пор не сошел снег. На вид снежные пласты так же белы и пушисты, как зимой, но днем они начинали подтаивать под жаркими весенними лучами, а от ночных заморозков покрывались тонкой ледяной корочкой.

Тропа, пробитая контрабандистами поперек крутого склона, от одного до другого только им ведомого ориентира, тоже подтаяла и заметно просела. И не исключено, что к утру снег просядет еще больше, и тогда возможна лавина. В этом случае мы окажемся посреди крутого склона без малейшей надежды на спасение. Но говорить об этом вслух я не собирался, оба моих спутника понимали в горах и лавинах побольше, чем я.

Ивар, проигнорировав вопрос лорда, отвязал седельные мешки и принялся хозяйничать. Вначале подвязал лошадям торбочки с овсом, затем, покопавшись в расщелине, вытащил припрятанную жаровенку и котел. Запас древесного угля мы везли с собой и, сообразив, что парень собирается поить лошадей, принялись ему помогать. Нужно растопить порядочную кучу снега, чтоб получилось ведро воды, а каждая лошадь выпивает не по одному.

Глядя, как рыжая кобыла махом втянула полведра воды и теперь довольно отфыркивалась, я припомнил, какое испытал изумление, когда, выйдя вслед за Раммом на пологий склон холма, обнаружил табунок лошадей и троих парнишек, играющих на подсушенном пригорке в кости.

– Тетя Нувина сказала, что вы хотите поохотиться в волчьем распадке, – внимательно глянув на Рамма, сообщил один, и мальчишки неторопливо направились седлать коней.

В тот момент я еще не знал, что Ивар, троюродный племянник травницы, получил от нее приказ провести нас в

Гассию тропами контрабандистов. Но невольно почувствовал себя слегка уязвленным: травница как-то незаметно перехватила у меня инициативу и решительно распланировала наши ближайшие шаги, даже не поставив меня в известность.

– Тим... – разбудил меня шепот Рамма, – ты ничего не слышишь?

– Нет, – сбрасывая с головы край своего пастушьего капюшона, выданного проводником, сонно ответил я и только после этого прислушался.

Ночь подходила к концу, небо начало еле заметно сереть, но до восхода было еще далеко. Нас со всех сторон окружала тишина, нарушаемая лишь дыханием лошадей да тонким похрустыванием смерзающегося снега. Я уже поднял руку, поправить капюшон, чтоб не улетало драгоценное тепло, как замер, пораженный непонятым скрипом. Или то был не скрип? Словно кто-то огромный вздохнул тяжело и надсадно, и эхо этого вздоха отозвалось даже в камнях.

– Вот! – Лорд сел, потянув за собой попону, которой мы были укрыты сверху. – Снова!

– Ивар?! – тихо окликнул я парнишку. – Что это?

– Снег осел, – стараясь говорить небрежно, буркнул проводник и пополз в сторону лошадей.

Но нотка страха против его воли прозвучала в хрипловатом тенорке, и уловил ее не только я.

– Может, зря мы остановились тут на ночлег? – с раскаянием выдохнул Рамм, и хотя шептал он себе под нос, мы с Иваром тоже расслышали эти слова.

– Лошадки-то не железные! – проговорил проводник осуждающе. – Им отдыхать нужно!

Я собирался сказать что-то примирительное, спорить в такой обстановке не самое умное дело, но тут снова повторился встревоживший нас звук.

Ивар, выплюнув ругательство, задвигался еще быстрее, Рамм, что-то сообразив, защелкал кресалом, пытаясь зажечь факел, а я совершенно неосознанно подтянул поближе мешок с провизией. Помнится, зачем-то попытался перекинуть лямку через плечо, и тут на нас посыпались первые комки снега.

Уже в следующую секунду превратившиеся в поток, затем в шквал, в яростный плотный вал, вмиг разметавший нас в разные стороны и потащивший, подминая под себя, крутя и ломая, куда-то в неизвестность.

Наверное, я на какое-то время потерял сознание, потому что очнулся от резко хлынувшего в глотку свежего воздуха, щедро разбавленного талым снегом. И почти в тот же момент в уши ворвался азартный собачий лай, а по плечам больно скребнули крепкие когти.

– Нашел? – словно издалека с надеждой спросил знакомый голос, и собачьи когти сразу исчезли.

А по моему лицу, счищая снег, заскользила холодная ладонь.

– Все живы? – Первое, что я смог хрипло пробормотать, пытаясь открыть глаза.

И хотя мне это удалось, но особой радости не добавило, светлее вокруг не стало. Значит, с того момента, как нас смело с уступа, прошло очень мало времени, иначе бы уже рассвело.

– Все, – как-то слишком невесело сообщил Рамм, подстегнув этим унынием мой природный оптимизм.

Живы – вот самое главное. Только сейчас до меня начало доходить, насколько близко мы были от последней черты. Но раз боги позаботились о наших жизнях, я сделаю возможное и невозможное, чтобы их усилия не пропали втуне.

– Ты можешь помочь мне освободить руки? – деловито спросил северянина, нарочно проигнорировав его похоронный тон.

– Попробую, – вздохнул он, – но у меня одна рука... не работает.

– А ноги?

– Ноги вроде ничего, – начиная отгребать снег, сообщил лорд и только тут спохватился: – А у тебя все цело?

– Пока не понял, но вроде все. А как Ивар?

– Он попал в лавину вместе с лошадыю, и она его то ли придавила, то ли ударила. Теперь мальчишка кашляет кровью и не может сдвинуться с места.

Это плохо, очень плохо, но я ничем не мог помочь спутникам, пока сам не вырвусь из этой западни, и потому в ответ на это печальное известие только крепче стиснул зубы.

Рамм старательно разгребал снег замерзшими пальцами, иногда поднося их ко рту, чтобы хоть немного согреть. Рядом с ним яростно работал лапами неизвестно откуда взявшийся Каф. Я тоже не сидел без дела. Сжимая и разжимая кулаки, постепенно утрамбовал вокруг них снег и, пока пальцы совсем не свело от холода, начал по крохам продвигать руки вперед. Спасительная идея уже родилась в моем мозгу, но для ее осуществления я должен был откопаться хотя бы до пояса.

На это ушло почти полчаса и все наши силы без остатка. Я уже понял, что погорячился, сообщая Рамму, что цел: что-то неладное было с ногой. Она сильно пострадала четыре года назад, когда я попал в ловушку Ромульена, и магам пришлось вырастить мне новые кости. Я сам виновен в том, что лечение было завершено чересчур быстро, когда молодые косточки еще не окрепли, но все равно об этом не жалею и никому не жалуюсь, если после напряженной ходьбы нога начинает ныть.

– Рамм, проглоти вот это, – капнув зелье, за неимением стакана с водой, на маленький снежный шарик, протянул я руку другу.

– Что это? – Лорд медлил, а меня вдруг начала разбирать злость.

Я без возражений валялся в темном ящике, потом несколько часов топал по холмам и перелескам, а затем еще полдня трясся на лошади и ни разу не задал вопрос, почему они считают, что в Гассию можно попасть только так. Просто поверил, зная, что сам все равно не могу придумать ничего лучшего. А лорд так смотрит, словно я собираюсь его отравить!

Не знаю, что Рамм увидел на моем лице, но высказаться он мне не дал. Поднес мою ладонь к губам и по-собачьи слизнул с нее подтаявший комочек снега со снадобьем.

Следующую порцию я капал для себя и несколько секунд после того, как горьковатая вода согревалась в желудке, ничего не чувствовал.

Зато потом усталость и боль слетели с меня, словно широкополая шляпа от порыва свежего ветра. В теле появилась необычная легкость, а в душе проснулась кипучая жажда деятельности. Я так рьяно принялся откапываться, что отлетающие комья ложились за пределами выкопанной лордом и Кафом выемки. И только когда почти выбрался и заметил в неверном рассветном полумраке алые капли, щедро расцветившие вокруг меня снег, догадался взглянуть на пальцы.

Лучше никогда не вспоминать те выражения, какими я костерил себя за недогадливость, хотя заслуживал еще и не такого. Что мне стоило спохватиться чуть раньше, когда кожу еще можно было спасти. А теперь она висела лохмами, и хотя никакой боли я по-прежнему не чувствовал, однако пре-

дельно ясно понимал: это продлится лишь до тех пор, пока действует зелье Ештанчи.

– Рамм, как у тебя с руками?

И пока лорд, еще не пришедший в себя от навоеванной зельем эйфории, пытался сообразить, к чему я задал такой вопрос, схватил его руку и повернул к себе ладонью.

Как ни странно, но у него дела обстояли значительно лучше, чем у меня. Видимо, Рамму за последний год приходилось довольно много помогать Нувине в домашних делах, а может, и при изготовлении присыпок и мазей, отчего его ладони украсили вовсе не подобающие лорду мозоли. Сыгравшие роль естественных рукавиц.

– Нужно смазать и завязать чем-нибудь, – наконец-то понял, в чем дело, Рамм, но я только отрицательно мотнул головой.

Смажем и завяжем, но чуть позже. Сейчас нужно первым делом подлечить проводника, необходимый набор немагических зелий всегда со мной. А потом, пока не кончилось действие снадобий, успеть уйти как можно дальше и найти надежное убежище на ближайшие день-два. Судя по предупреждению Ештанчи, скоро нам придется туго.

Ивар лежал на постеленной прямо на снег накидке, локтях в трехстах от того места, где Каф нашел меня. Откуда взялся сам Каф, остается только гадать. Однако, судя по изжеванному обрывку веревки, украшавшему его шею, приученный к охоте пес нашел нас по следам. И первым откопал люби-

мого хозяина. Затем они нашли лошадей и проводника, парнишка находился почти на поверхности. И все время, пока его вытаскивали, был без сознания. Он и сейчас выглядел плачевно, и синеватая бледность, разлившаяся по его лицу, заставляла меня стискивать зубы и говорить с парнем прикидочно веселым голосом. Осторожно приподняв голову Ивара, просунул ему в рот комочек снега с целительным зельем, пожертвованным мне когда-то Зином.

Универсальное ранозаживляющее и обезболивающее готовил для сыскарей доктор Рендис, талантливый старичок алхимик, и у них всегда можно было разжиться пузырьком. Раньше. Теперь, после того как я сумел улизнуть из-под их опеки, Зин вряд ли станет, как прежде, делиться зельями.

Из четырех лошадей уцелели только две, те, с которых Ивар успел снять путы. Остальных поблизости видно не было, и искать их я не собирался. Нам еще несказанно повезло, что нашелся один дорожный мешок, видимо, я так и не выпустил его из рук. Он обнаружился в яме, из которой выкопали меня, и теперь являлся нашим единственным имуществом.

Пока добрались до леса и развели костер, наступило полноправное утро. Обрезая лоскутки кожи с израненных рук, я рассматривал оставшийся позади склон и все яснее понимал, что контрабандисты вовсе не случайно привели тропу к утесу, бывшему нашим ночным укрытием. Лавина не смог-

ла его снести, он так и торчал гнилым зубом над языками сошедшего снега. И это именно он разрезал тело лавины надвое, в результате чего снежный поток задел нас лишь краем.

– Ивар, – заметив чуть оживший взгляд проводника, объясняю как можно доходчивей, – мы с Раммом выпили зелье, которое придает силы. Но ненадолго. Через несколько часов мы почувствуем усталость и начнем засыпать. Это не страшно, нас просто не нужно будить. Скажи, ты знаешь, где ближайшая деревня?

– Здесь нет деревень, – опережая парнишку, сообщил Рамм, – местные крестьяне живут семьями на хуторах.

– Пусть будет хутор, – вздохнул я, – лишь бы поближе.

– Я проведу... – прошептал парнишка, – только знакомых у меня там нет. Мы не сюда шли.

– Если бы мы шли и дальше по той тропе, – лорд поневоле оглянулся туда, где никакой тропы больше не существовало, – то добрались бы к вечеру до перевала, за которым довольно населенные места. Там даже городок небольшой имеется. Но нас унесло вбок, и теперь нет смысла идти туда. Лучше двигаться прямо на север, отсюда до Шладберна намного ближе. Вот только ходить тут опасно. Леса, озера, болота... и никаких дорог.

– Но хоть какое-то жилье есть?

– Мы сверху видели дым... примерно в пятнадцати милях отсюда... – несчастно выдохнул парнишка, – но кто там живет... не знаем.

– Ничего, познакомимся, – решительно буркнул я, заканчивая обматывать руки лоскутами порванной рубахи, – подъем. Нужно торопиться.

Рамм ехал на передней лошади, каким-то непонятным чутьем угадывая дорогу, я, поддерживая Ивара на седле перед собой, старался направлять свою животину строго по его следам. Хотя бежавший сбоку от нашего маленького отряда Каф не дал бы потеряться, все равно упасть в ледяную болотную жижу мне почему-то не хотелось.

– Невезучий я, – обессиленно прошептал Ивар, – только второй год хожу на ту сторону и уже второй раз попадаюсь. Первый раз волки напали... Нувина еле залечила плечо.

– Молчи, нельзя тебе много говорить. Вот доедем до привала, еще снадобья выпьешь, а потом на хуторе отлежишься и снова будешь бегать, – попытался я успокоить парнишку, стараясь как можно бережнее держать его тощенькое тело. – А чего такой худой-то? Кормишься плохо?

– Так не с чего особо кормиться, отец сгинул... он тоже в Гассию ходил. А нас у матушки шестеро. Я старший. Хозяйство, конечно, есть, но на одежду денег не хватает, вот и продает мать кое-что из продуктов. Только город далеко... а в селе цены бросовые. Почти у всех свое есть. Только теперь... если вернусь... еще хуже будет. Лошади не все мои были... Две сосед одолжил. Как рассчитываться буду... и самим без лошади никуда, пропадем.

– Не паникуй раньше времени, нам бы отсюда выбраться, а там поглядим, – чуть строже, чем нужно, прикрикнул я, иначе его не остановить. И сам изведется, и нам все нервы изматает. Если получится вернуться домой, я ему обязательно помогу, но говорить об этом заранее не собираюсь. Ведь впереди еще нелегкий путь и полная неведомых опасностей чужая страна.

Часа через два, уверившись в непогрешимом чутье Кафа и опыте Рамма, я перестал напрягаться при виде каждой полянки с особенно ровной и зеленой травкой. И все свое внимание сосредоточил на самочувствии проводника и своем собственном. И если мальчишке постепенно, после каждой дозы знаменитого снадобья становилось легче, то о себе я такого сказать не мог. Появившаяся легкая тянущая боль в ступне и ладонях с каждой милей становилась все сильнее, и я только усилием воли сдерживал себя от приема обезболивающего снадобья. Твердо помня вдолбленное правило: пока действует одно зелье, второе пить нельзя. Никто не знает, какой они дадут эффект, встретившись в организме.

Пятнадцать миль, про которые говорил Ивар, на местности растянулись непомерно, обилие мелких озер, болот и непроходимых колючих кустов не позволяло двигаться напрямик. И все же мы добрались.

Хутор открылся как-то сразу, за густыми, почти непроглядными зарослями черемухи, на склоне пологого холма, окунувшегося одной стороной в чистое озерцо. Не знаю, по

каким признакам я определил, что люди здесь живут работающие и беззлые, но в том, что не ошибаюсь, был уверен настолько, что как-то внутренне расслабился. И почти сразу вспыхнули острой болью изодранные ладони и разгорелась огнем больная нога. И со страшной силой потянуло в сон. Я еще успел сам слезть с лошади и доковылять до символической ограды. А потом уронил парнишку в руки подскочившего хуторянина и рухнул у его ног, уносясь в непреодолимый сон.

Глава 7

Жарко. И трясет. Иногда не просто трясет, а прямо колотит, и острая боль, словно гадюка, впивается в лодыжку. Ступни я почему-то больше не чувствую.

Как это не чувствую?

Жуткое подозрение вмиг рассеяло остатки дремы и подбросило меня вверх.

А что, собственно говоря, вообще происходит? Куда это мы едем и почему именно в таком порядке?

Впереди на мощном вороном жеребце восседает Рамм, рядом весело трусит Каф. Следом за ними, на лошадках попроще, скачут двое парней в одинаковых костюмах, а уже за ними пара обычных коняг тянет крестьянскую телегу. В которой, на скудной подстилке из прошлогодней соломы, валяемся мы с Иваром. Нет, неправильно, спросонья сразу не разглядел! Оказывается, Ивар удобно устроен на накрытом ряднушками тюфяке, а на почти голых досках валяюсь я один. Причем не просто валяюсь, а еще и привязан к борту телеги цепью, прикованной к широким ножным браслетам. Так вот почему я не чувствую стопы! Ниже браслета нога настолько опухла, что железо прямо врезалось в кожу. А те, кто вешал на мои лодыжки такие редкие украшения, не смогли после натянуть на меня сапоги.

Ну вот, в одной проблеме я разобрался. Не могу сказать,

что мне от этого здорово полегчало, но появилась хоть какая-то ясность. Теперь еще узнать бы, с какой стати меня везут с такими «почестями»? И самое главное, куда? Да и вообще, что произошло за то время, пока я спал? Понятно, что очень многое, непонятно только, чем все это может закончиться.

Словно почувствовав мой пристальный взгляд, Ивар открыл глаза и пару секунд растерянно пялился на мою особу. Затем соорудил равнодушное лицо и отвернулся к вознице, однако я успел заметить и мелькнувший в голубых глазах соvestливый испуг, и зарозовевшие скулы.

И как-то мне это очень не понравилось. А еще больше не понравилось исчезновение моего скудного запаса оружия. Вместе с висевшим на поясе кошельком со снадобьями. Хорошо хоть сам пояс остался, только мне сейчас это совершенно ничем не могло помочь.

Мало того что мне не в чем растворить подарки Ештанчи, но и распороть шов я сейчас вряд ли сумею. Ладони тянет почти привычная боль, но посмотреть, как обстоят дела с моими ранами, я не могу: кисти рук обмотаны толстым слоем тряпья. Значит, их все же лечили. И это внушает хоть маленькую, но надежду.

Но очень маленькую. Слишком показательно представшее перед моими глазами зрелище, чтобы я мог надеяться хоть на что-то хорошее. Во всяком случае, сейчас.

В будущем, возможно, у меня появится такой шанс, но,

чтобы до него дожить, нужно очень хорошо сыграть свою роль.

Роль покорного и послушного узника. Постепенно втереться в доверие и если не разжалобить, то смягчить заско-
рузлые сердца надзирателей – вот единственный путь к спасению. Этому учила меня Кларисса, и этот же урок препод-
несла мне однажды жизнь.

Лет десять назад я следил за одним богатым оболтусом, чьи родители не сумели воспитать из сыночка достойного на-
следника своих капиталов и дел. Сами они считали, что па-
рень не по своей воле пускается во все тяжкие и что за всем
этим стоит сильный ментал. Это был прямой вызов ковену,
и Кларисса отправила меня разобраться. Мне выдали тугой
кошель и расшитый серебром кафтан, сменили личину и вы-
бросили в маленький придорожный постоялый двор, мимо
которого должен был проехать возвращающийся из родно-
го поместья клиент. А поскольку гуляка не пропускал ни од-
ного трактира и кабака, наша встреча было неизбежна. Она
и состоялась, и очень скоро мы стали закадычными друзья-
ми. Третьим собутыльником был веселый и разбитной па-
рень неизвестного происхождения, знавший в Торсанне та-
кие тайные питейные и игорные заведения, о которых не по-
дозревали даже маги. Поэтому мое задание продлили, и те-
перь я следил уже за двумя приятелями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.